

Александр Михайловский
Юлия Маркова

ВТОРОЙ ГОД НОВОЙ ЭРЫ

16+

Прогрессоры - 4

Юлия Маркова
Второй год новой эры

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Маркова Ю. В.

Второй год новой эры / Ю. В. Маркова — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

ISBN 978-5-5321-1041-0

Племя Огня благополучно встретило Новый год, он же Праздник Зимнего Солнцестояния. Теперь впереди предстоят новые опасные путешествия: лыжный поход на Большую Охоту в тундростепи и летнее плавание за каолином и оловянной рудой. И на фоне увлекательных приключений происходит удивительное преобразование закоренелой феминистки Люси, а племя неожиданно обретает новых членов в лице французского дворянина из XVIII века, а также целой группы романизированных кельтов из времен короля Артура.

ISBN 978-5-5321-1041-0

© Маркова Ю. В., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Вступление	6
Часть 13. Зимние истории	7
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Все лица людей, изображенные на обложке, не принадлежат реальным людям, а получены путем синтеза из нескольких изображений и последующей ретуши, фоновая картинка взята с сайта свободных изображений <https://mirapic.com/>

<https://mirapic.com/wp-content/uploads/2018/07/Mammoth-Mountain-and-the-Minarets-Sierra-Nevada-California.jpg>

Вступление

Остался в прошлом Праздник Зимнего Солнцеворота, и племя Огня вступило во второй календарный год своего существования. Зима – это не только испытание, которое требуется пережить, это еще дополнительные возможности для дальних походов и межчеловеческих контактов. Русские люди любят и знают зиму, а также умеют использовать все ее достоинства и недостатки. Аборигены Ледникового периода тоже знакомы с зимой не понаслышке и предпочитают переживать ее в глубоких пещерах у жарко пылающих костров. Для них зима является нелегким испытанием, год за годом уносящим множество жизней как маленьких детей и ослабших стариков, так и здоровых и сильных членов Кланов, которым бы еще жить и радоваться жизни. И только для французских школьников суровость здешней зимы стала весьма неприятным открытием. Но племя Огня, имея надежное теплое жилье, в очагах которого постоянно горит жаркий огонь, может смотреть в будущее с оптимизмом и твердой верой в то, что дальше будет лучше, чем сейчас.

Часть 13. Зимние истории

3 января 2-го года Миссии. Среда. Дом на Холме

В течение декабря ряды племени пополнили четыре новых маленьких человека. Лань Мила родила мальчика, которого упорно желала назвать Петровичем, ее товарка Лана – девочку Алису, полуафриканка Маэлэ-Майя принесла дочку, которую назвали Малишей, а Футирэ-Фрида (тот самый животик на тонких ножках) разродилась немного недоношенной дочкой, которую назвали Гаэтанэ. Юной роженице пришлось делать кесарево сечение, но, в отличие от первого раза, это увенчалось лишь частичным успехом. Маленькая, но крикливая, Гаэтанэ выжила, а вот ее малолетняя мать не перенесла мучительного процесса родов и тихо скончалась на второй день, не приходя в сознание. Горше всех по ней плакала Люси, испытывавшая ужасное чувство, что все, что она делает, оказывается напрасным, и несмотря на лекарства будущего, смерть все равно забирает эту девочку, которой впору не рожать детей, а играть в куклы.

Зато выжила подраненная Валерой Марина Жебровская, которую вожди помести под присмотр подростков-полуафриканок. Дня три ее положение было довольно тяжелым, температура поднималась до тридцати восьми, края раны сочились гноем, и Марина Витальевна уже было уверилась, что шаманское милосердие не пошло впрок и преступница все равно помрет. Но потом все потихоньку нормализовалось, и через месяц после того происшествия любительница жестоких забав могла уже бодро ковылять по большому дому, не имея, правда, возможности в полном объеме действовать правой рукой. А кому она нужна с одной левой – вот тяжелые и грязные работы пока обходили ее стороной. Но вторая часть наказания, связанная с утратой имени и минимизацией общения (фактически бойкотом) продолжала действовать, и, как ни странно, к нему присоединились даже французские школьники, тоже обращавшиеся к Жебровской через «эй ты». Но самая главная и тяжелая болезнь этой девушки была не в ране, оставленной арбалетным болтом, а в голове – точнее, в сознании.

За неделю до праздника Зимнего Солнцеворота, который шаман Петрович повелел считать днем начала нового года, ударили тридцатиградусные морозы, сковавшие ледяным панцирем Гаронну и Дордонь. Все живое в лесах и лугах по берегам реки спряталось в свои норы и не высывало носа. Недолго думая, вожди распорядились прекратить на время холодов все работы, а также перевести в Большой Дом почти всех подкарантинных Волчиц, оставив в Промзоне только небольшой контингент бездетных добровольцев во главе с семейством Валеры, а также Роланда и Патриции. Их обязанностью было следить за тем, что происходит на берегу реки, и поддерживать огонь в очагах обоих жилых домов, столовой и бани.

Последнее представляло особую важность, ибо это была единственная баня племени; мылись в ней теперь раз в неделю строго по графику из-за нехватки теплой зимней одежды, которая была необходима для того, чтобы на лыжах быстро добежать до бани, а потом вернуться обратно. Построить возле Большого Дома соединенную с ним крытым переходом большую баню Сергей Петрович прошлой осенью просто не успел, и будущим летом собирался исправить эту недоработку.

В такую ужасную погоду только местное стадо¹ диких кабанов, которым мороз был не страшен из-за густого подпушка и толстого слоя накопленного сала, продолжало рейдировать

¹ Стада кабанов могут перемещаться на большие расстояния, но только в пределах своего участка обитания, не мигрируя на территории других стад. Согласно исследованиям, размеры участков обитания кабанов колеблются от 1-го до 4-х км² на одну особь, а плотность популяции в исследуемых областях составляла от 1-й до 34-х особей на один км².

по окрестным лесам, разрывая толстый слой снега снег и выскивая под ним разные вкусности, сохранившиеся с осени прошлого года².

Но так как общая численность племени Огня вместе с Основателями, Ланями, полуафриканками, Волчицами и оставленными для обучения Северными Оленями уже превышала четыре сотни человек, то оно интенсивно кушало, при этом производя изрядное количество пищевых отходов, которые надо было куда-то выбрасывать. Человек не может съесть все до основания – так, чтобы вовсе без остатков. Так неподалеку от большого Дома еще осенью возникла мусорная яма, в которую кухонный наряд кидал обгрызенные кости, картофельную шелуху и прочие объедки. Неизбежно настал тот момент, когда кабаны пронюхали об этой яме, причем в буквальном смысле этого слова. На всей территории их обитания это был самый обильный и доступный источник пищи и, обнаружив его, они, разумеется, принялись посещать это место каждую ночь, устраивая там настоящие гастрономические пиршества.

Это обстоятельство не было тайной для вождей племени Огня. Ибо уже во время первого своего посещения помойки, за три дня до Нового года, кабаны подняли такое истошное хрюканье и визг в ходе дележки объедков, что его отлично слышали в Большом Доме. Более того, совершив этот налет на бесплатную, как им казалось, столовую, кабаны сами стали причиной своих проблем. Еще в конце лета Андрей Викторович обещал, что как только наступят холода, он организует облавную охоту, чтобы перебить местное сообщество хрюкающих. Причиной тому была потребность в дополнительном мясе, которая неизбежно возникнет в начале зимы, а еще то, что на будущее лето свиньи обязательно начнут травить поля и огороды. Потом это обещание подзабылось за ворохом других дел, но вот теперь свинтусы сами напомнили о своем существовании.

Дождавшись, когда температура воздуха на третий день после праздника с экстремальных минус тридцати градусов вернулась к более приемлемым минус десяти, а с серого пасмурного неба начал сеяться мелкий снежок, Андрей Викторович принялся за подготовку операции. Первым делом был определен круг тех, кто примет участие в охоте – стрелков и загонщиков. В стрелки попали сам отставной прапорщик, Сергей Петрович, Сергей-младший и Роланд (весьма гордый этим обстоятельством, вплотную приблизившим его статус к статусу Основателей). Кстати, французские школьники быстро подхватили привычку местных девиц все время меряться статусами, и теперь ревниво следили за своим общественным положением и положением своих приятелей.

Старшим партии загонщиков, составленных из трех десятков полуафриканок, Ланей и особо доверенных Волчиц, назначили Гуга, а помощником у него стал французский школьник Оливье Жонсьер. Все загонщицы и загонщики хорошо освоили ходьбу на лыжах и получили на время исполнения своих обязанностей по теплему полушубку и светло-серой кроличьей шапке. Эти шапки бригада Ляли шила из шкурок кроликов, которые иногда попадались в силки, расставленные вокруг нор кроличьей колонии. Вроде бы не так часто был улов на этой бесшумной охоте, но уже почти полсотни теплых и удобных шапок, предназначенных для тех, кому придется работать на холоде, в распоряжении вождей племени Огня имелось. Выдавать такие шапки в личное пользование они планировали тогда, когда будет достигнут стопроцентный охват – то есть на следующий год. Тут еще надо учесть такое обстоятельство, что летом у кролика шкурка очень плохая и для шапкостроения не годится, а значит, с наступлением весны скорняжная мастерская неизбежно прекратит свою работу.

Помимо стрелков и загонщиков, в охоте непременно должен был принять участие и медицинский работник. Поскольку Марина Витальевна находилась на восьмом месяце и была не в состоянии сопровождать охотничью партию в ее скитаниях по кустам и буеракам, то выбор с неизбежностью очевидности пал на мадмуазель Люси. С тех пор как она из оппозиции перешла

² Взрослый кабан может прорыть своим рылом мёрзлый грунт на глубину 15-17 см.

в медработники, ее больше никто не называл Люськой. Теперь для большинства членов племени Огня она была нейтрально Люся, или даже ласково Люсенька. Так вот, Люся была ошеломлена тем, что ей надо идти на это охоту, и даже два раза переспросила у своей начальницы, не перепутал ли чего Андрей Викторович. Потом, убедившись, что все верно, и она нужна на охоте всего лишь как санинструктор, бывшая учительница пожала плечами и покорила сложившимся обстоятельствам. Охота так охота. Знала бы она, во что все это выльется – не была бы так спокойна. Но об этом немного позже.

Помимо людей, в охоте принимало участие все взрослое собачье население племени – Зара, Майга и Шамиль. Полугодовалых Зариных отпрысков, как родных, так и приемных волчьей породы, пришлось оставить дома, посадив на ременные поводки. Ох, и лаю с воем от них было, а то как же – обидели хвостатых и мохнатых дитяток, не взяли с собой на интересную прогулку.

После завершения всех организационных мероприятий, когда все было подготовлено, смазано и налажено, был определен план охоты, которая начнется следующим утром от ямы с пищевыми отходами, где собаки возьмут след кабаньей банды. Хотя собаки – это уже перебор, на свежем снегу и так все хорошо видно.

* * *

4 января 2-го года Миссии. Четверг. Дом на Холме

Люси д`Аркур – бывший педагог и уже не такая убежденная феминистка

В этот день мы встали еще затемно. На завтрак нам, как каким-нибудь миллионерам, приготовили жареную красную рыбу с грибным соусом. Все ели в молчаливой сосредоточенности. В какой-то момент я обратила внимание на то, что меня перестало донимать отсутствие привычной мне вегетарианской еды. Огромные количества жирной мясной и рыбной пищи перестали быть для меня раздражающим фактором. Наверное, все дело в том, что жизнь среди дикой природы с большим количеством свежего воздуха и тяжелого физического труда требует совсем иных рационов, чем те, которые привык потреблять изнеженный перекармливанием бумажек горожанин двадцать первого века.

Привыкнуть к мясной диете действительно было нелегко. Поначалу я ела через силу, постоянно пребывая в страхе, что если начну отказываться от еды, эти русские свяжут меня и начнут кормить силой... Теперь-то я понимаю, как абсурдно выглядели мои опасения. Мне даже немного стыдно, что я относилась к этим людям с такой неприязнью. Что же касается моих вегетарианских привычек, то с некоторых пор мясо не просто перестало вызывать у меня отвращение, но его вкус мне даже стал нравиться... После обильной и жирной пищи как-то хорошо становилось, по всему телу разливалась приятная истома.

К тому же оказалось, что бледный цвет моей кожи – вовсе не природная особенность. Когда я стала есть мясо, мое лицо стало выглядеть свежей и моложе в силу появившегося на нем румянца. Улучшилось состояние волос и ногтей – а я-то там, дома, до попадания сюда, все покупала дорогие крема и лосьоны... Да и поправиться я зря боялась – пребывая по большей части на свежем воздухе, будучи постоянно занятой делом, я не набирала лишние килограммы, а мои мышцы только крепились – да так, что подобного эффекта не мог бы дать никакой фитнес. Безусловно, я стала значительно ближе к дикарским идеалам женской красоты, которые, кстати, разделяют и русские вожди.

После завтрака мы не спеша и очень тщательно оделись, взяли свои лыжи и по очереди вышли на щиплющий щеки морозец и хрустящий снег. Ясная первобытная ночь встретила нас россыпью звезд и светом золотого полумесяца в предзвездном небе. Сначала путь наш лежал до ямы с объедками, вокруг которой все было испещрено двойными следами кабаньих копыт. Эти обжоры протоптали сюда отчетливую тропку. Тем не менее в лучших охотничьих

традициях собакам дали обнюхать отпечатки на снегу. Те заволновались, а затем, натягивая поводки, решительно затрусили вперед, в сторону леса.

Охота началась. Мы поспешали вслед за собаками на лыжах, и я хорошо ощущала радостную приподнятость и азарт, что завладели нашей большой компанией. Все это передалось и мне, хотя первоначально я не особо рвалась на это мероприятие. Но теперь жалеть не приходилось. Мне было интересно и весело, а главное, тепло. Вчера вечером мадам Марина позвала меня к себе и вручила целый ворох одежды. Своей русской зимней одежды, купленной еще в Петербурге в специальном магазине, где одеваются охотники. Там был меховой полушубок, крытый непромокаемой бело-зеленой пятнистой тканью, такая же шапка-ушанка и высокие ботинки на меху. Я была тронута едва не до слез. «Желаю тебе удачи, подруга, – сказала мадам Марина, с русской сердечностью обняв меня за плечи, – будь осторожна, нас ждет еще много великих дел.»

Так я шла, слегка скользя охотничьими лыжами по снегу, и думала о том, что жизнь, в общем-то, прекрасна. Разве могла я когда-нибудь предположить, что мне доведется пережить такое потрясающее приключение? И что оно изменит меня настолько, что от прежней Люси д`Аркур останется лишь внешняя оболочка? Да и оболочка эта уже не совсем та, что раньше. Теперь мои окрепшие за последнее время мышцы активно работали, помогая мне не отставать от остальных. Мы шли, выстроившись цепью в обе стороны поперек следа, как при облаве, и наконец дошли почти до самого берега ручья, который русские называют Дальним.

Вдруг месье Андре замер и дал знак остановиться. Это означало, что мы достигли цели и лежка кабанов обнаружена. Затем, как и планировалось, мы разбились на две группы – стрелков и загонщиков. Задачей группы стрелков, среди которых находилась и моя скромная персона, было оставаться на месте, приготовить оружие и ждать, а группа загонщиков, состоявшая почти из одних женщин, во главе с диким крепышом Гугом и моим бывшим учеником Оливье Жонсьером, устремилась туда, где на дневной отдых залегло стадо диких парнокопытных. Загонщики обошли их лежку с противоположной стороны и, взяв ее в полуокружение, подняли шум. Они чем-то гремели, звенели, свистели, улюлюкали и вопили – отчего кабаны тут же вскочили и начали бестолково суетиться.

Но потом один из животных – вероятно, вожак – кинулся туда, где притаились стрелки. Мне было немного страшновато – все же на охоте я присутствовала первый раз, а несущиеся на нас животные выглядели устрашающе. Но месье Петрович и месье Андре хранили завидное хладнокровие. Они выстрелили первыми, и тут же началась частая пальба, из ружей принялись стрелять молодой русский по имени Сергей и мой бывший ученик Роланд, а остальные, стоящие немного по бокам, начали спускать тетивы своих арбалетов. Звуки выстрелов и свист стрел смешались с предсмертным визгом и хрипом умирающих животных. Странно – но я смотрела на все это почти спокойно, причем азарт явно превалировал над боязнью. Это не была обычная охота нашего времени, когда мясо можно купить в магазине, а люди убивают исключительно ради развлечения и азарта. Это была борьба за выживание того зародыша цивилизации, который принесли сюда эти русские. Для того чтобы жило племя, а цивилизация имела возможность развиваться, эти кабаны должны были умереть.

Тем временем загонщики, производя ужасный шум, продолжали гнать вперед диких свиней, ряды которых заметно поредели. Стрелки нашей группы успешно их отстреливали, не давая прорваться сквозь огневой заслон. Глупые животные! Они неслись туда, куда потянул их вожак (уже убитый) – им и в голову не приходило развернуться и прорвать строй загонщиков. Видимо, они были здорово напуганы – наверное, им казалось, что настал их свиный апокалипсис. А я поймала себя на том, что начинаю чуть ли не во всеуслышание «болеть» за наших, шепотом приговаривая: «Давай, гони его! Петрович, стреляй, вон в того! Да, есть! Теперь в того! Давай! Вот так тебе, свиная морда...» Ну и еще я представляла, как много теперь у нас будет мяса. Именно нежная свинина стала мне нравиться особенно сильно.

Похоже, вегетарианка Люси д`Аркур становится настоящим мясным гурманом... Интересно, что бы сказали мои подруги? Воображаю, как бы вытянулись их лица... Если бы они знали, где я нахожусь! Да посмотрели бы на моего первобытного поклонника! От этой мысли я так развеселилась, что даже тихонько засмеялась. Но вдруг Петрович крикнул: «Осторожно, Гуг!» – и я с ужасом увидела, как матерый кабан, развернувшись (неужто подслушал мои мысли?), бросился на парня всей своей мощной тушей. Стрелки дружно ахнули, а у меня от такой картины аж в глазах потемнело, и на долю мгновения мелькнула мысль, что мне будет очень жаль, если мой рыжеволосый поклонник вот так, в расцвете юности, погибнет...

Но я не закрыла глаза, а продолжала мужественно наблюдать за дальнейшими событиями. Все произошло за какие-то секунды. Парень упер заднюю часть копья в какой-то корень, направив острие прямо в морду несущемуся на него кабану, после чего, в тот момент когда кабан сам насадил себя на острие, ловко увернулся, прыгнув рыбкай в ближайший сугроб. Тем временем проткнутый копьем зверь отчаянно заверещал, задирая к небу окровавленную пасть, из которой струей хлестала кровь, а его передние ноги подогнулись. После чего, издав еще один хриплый визг, полный тоски и бессильной ярости, кабан пошатнулся и рухнул в снег. А поднявшийся из сугроба Гуг, его несостоявшаяся жертва, одним ударом своего топора по звериному затылку прекратил его мучения. Я не отводила от него глаз, даже не замечая, что по моим щекам текут слезы. А парень поставил ногу на тушу поверженного врага и, в победном жесте воздев кверху руку с копьем, издал ликующий вибрирующий крик. Хороша была картина – она меня просто заворожила – первобытный самец-охотник возвещает собратьям по племени о своей личной победе...

Охота подходила к концу. Никто из людей, к счастью, не пострадал, так что мне не пришлось применять свои медицинские знания. Всем нам сегодня повезло – и довольные загонщицы уже принялись деловито и привычно потрошить свою добычу, пока мороз не сковал туши, превратив их в сплошные ледышки. Но рыжий туземец, так героически преодолевший смертельную опасность, я вижу, не торопится приступить к этому процессу. А, кажется, я поняла... Видимо, потрошение – это так называемая «женская» работа, потому что никто из других мужчин, включая вождей, тоже не спешит на помощь своим женщинам...

Но что делает мой поклонник Гуг? Странно... он ухватывает «своего» кабана за ноги (ох и сильные у него, должно быть, руки!) и тащит в мою сторону. Да-да, в мою – я же одна тут стою, на пригорке; вожди о чем-то совещаются в сторонке, а остальные женщины занимаются разделкой туш...

И вот он дотащил эту тушу и бросил к моим ногам, одарив меня торжествующим взглядом своих чертовски красивых зеленых глаз... На его мужественном лице играла довольная и весьма самоуверенная улыбка – этот мальчик смотрел на меня сверху вниз, но не чувствовалось в его взгляде никакого превосходства, только гордость и чуть-чуть лукавства... И я просто растерялась под этим его взглядом и даже покраснела, как юная дева. Растерянно я озиралась по сторонам, не зная, куда бы спрятаться от этого счастливого, который так странно себя вел – и, проигнорировав его, направилась к Петровичу, который поглядывал в нашу сторону с легкой усмешкой.

Он многозначительно на меня посмотрел, хмыкнул, и спросил:

– Ну что, красавица, теперь, надеюсь, ты согласишься?

– Что вы имеете в виду, месье Петрович? – не поняла я. – На что соглашусь?

– Эх, Люся, Люся, простота ты наша... – усмехнулся он, – да на замужество!

– Вы шутите, месье Петрович? – смутилась я. – Я ничего не понимаю, на какое такое замужество и с кем?

– Да с ним же, с нашим рыжим героем! – он засмеялся и кивнул в сторону Гуга. – Он же тебе сейчас фактически сделал предложение руки и сердца. Можно сказать, посватался этим кабаном!

От слов шамана меня вновь бросило в жар и в краску.

– Вы, наверное, смеетесь надо мной, месье Петрович? – беспомощно пролепетала я, растерянно оглядываясь по сторонам.

– Да нет же, дурында ты этакая! – со вздохом пояснил вождь и добавил: – Это ведь очевидно – он убил опасного зверя, рискуя жизнью, и посвятил эту победу тебе, бросив свою добычу к твоим ногам... У них тут – ну, в первобытном обществе – это означает торжественное предложение соединиться сердцами и вести совместное хозяйство, чтобы, значит, он свою долю добычи приносил к вашему общему очагу...

Я от изумления не могла вымолвить ни слова. А он упорный, этот рыжий смельчак... Но меня по-прежнему сместила и шокировала мысль о том, что я могу стать его женой. Но что-то изменилось в восприятии мной этого мальчика. И как я ни убеждала себя, что это всего лишь неотесанный дикарь, я ощущала некоторую гордость за его поступок – наверное, я сама становлюсь дикаркой, но мне, черт возьми, понравился его оригинальный способ сделать мне предложение... Наверное, его стоит обдумать... В конце концов, в одной старой мудрой книге сказано: «Муж да спасется своей женой»; если эти русские решили, что они в силах вытянуть из дикости целое племя, неужели Люси д`Аркур не сможет справиться с окультуриванием одного-единственного дикаря, который к тому же в нее сильно влюблен...

* * *

4 января 2-го года Миссии. Четверг, поздний вечер. Дом на Холме

Остаток светлого времени четверга ушел на то, чтобы плоды охоты на диких кабанов были разделаны, мясо на УАЗе перевезено к Большому Дому и там развешено на сучьях деревьев вне досягаемости всяких четвероногих любителей халявы. И если зимой медведи мирно спят в своих берлогах и пещерах, то волки, напротив, стали еще злее и голоднее. Но и они ночью не посмеют выйти на освещенное место, а если и посмеют, то им же будет хуже. Вожди считали, что охота удалась, но особенно были довольны Лани, полуафриканки и прочие. Глаза у них были еще голодные, а столько мяса сразу эти женщины не видели и за всю свою жизнь. Еще ни одному клану не удавалось перебить все кабанье стадо целиком, а при больших облавных охотах большей части дичи все-таки удавалось прорваться и уйти, а если охотники слишком упорствовали, то среди них не обходилось без травмированных и погибших.

Так что вечером после ужина по поводу удачной охоты в торцевых холлах на обоих концах дома случился еще один спонтанный праздник. Столы и грубые скамьи сдвинули в сторону, и на освободившемся пространстве перед жарко пылающими очагами освободили площадку для танцев. Аборигенки каменного века показали основателям нового племени, как они умеют веселиться – когда живот не урчит от голода, вокруг тепло, уютно и хорошая компания. Согласно местным обычаям, перед огнем танцевали те члены племени, которые участвовали в охоте, а все остальные аккомпанировали им хлопками в ладоши и щелчками деревянных кастаньет. Оттаяли даже бывшие волчицы, которые, сбросив меховые куртки и стянув чулки-мокасины, бодро отплясывали перед очагами, трясая плотными белыми сиськами и стуча по толстым доскам пола босыми пятками. Ведь больше половины загонщиц были как раз волчицами, а, значит, это была и их победа тоже. У Ланей и шоколадно-смуглых полуафриканок костюм состоял не из куртки, юбки и чулок, как у волчиц, а из куртки и брюк до щиколоток, в силу чего они вполне свободно трясали сиськами, но не могли вволю сверкать ляжками, как волчицы. Но это не мешало им отдаваться дикому танцу, выплескивая в нем радость по поводу удачно сложившейся жизни.

Что-то свое, переваливаясь с ноги на ногу и при этом ритмично пыхтя, танцевали могучие и в то же время неуклюже-обаятельные неандерталки. Они тоже участвовали в загоне, и со своей недюжинной силой помогали потрошить кабаньи туши, а также грузить мясо на

УАЗ и сгружать его у Большого Дома. Именно неандерталки дружно выбирали веревку вместо лебедки, поднимая куски туш к воздушному хранилищу. И вот теперь они с полным правом участвовали в общем празднике, волей Основателей став равными остальным членам этого племени длинноногих. Освоившись и осмотревшись, мускулистые красавицы начали задумываться о дальнейших перспективах в своей личной жизни. Свой очаг, мужчина, дети, и все такое. И если невозможно найти мужчину своего вида, то для спаривания они вполне удовлетворятся любым из здешних длинноногих.

Смысл всего этого действия, как объяснила шаману Петровичу Фэра, был сексуально-патриотический. То есть, удачно отохотившись, танцоры и танцорки должны были таким образом побуждать друг друга к процессам продолжения рода. Поэтому, несмотря на сопротивление, в круг были вытащены Валера, Сергей-младший, Роланд Базен, Оливье Жонсьер и Ольга Слепцова, а также те несколько старших девушек-француженок, что принимали участие в охоте в качестве загонщиц. Только на вождей не поднялась рука у заводил этого танца. Хотя им и очень хотелось увидеть, как танцуют шаман и главный охотник, но те недвусмысленно показали, что в сегодняшнем танцевальном соревновании их место в жюри, у каждого на своей половине дома, а не на сцене.

Выдернули из круга зрителей даже смущенную и покрасневшую мадмуазель Люсю, которую тут же начал обхаживать обнаженный по пояс влюбленный ловелас Гуг. В то же время другие танцорки недвусмысленными жестами принялись показывать Люсе, что следует поступить как они – то есть снять с себя все лишнее и покориться воле судьбы, раз уж на нее обратил внимание такой великий охотник. Такие же, не менее настойчивые предложения разоблачиться перед племенем поступали и другим юношам и девушкам из будущего. Сергей-младший первым сорвал с себя рубашку, закрутив ее над головой, после чего его тут же окружили несколько плотных титястых волчиц, старающихся в танце как бы ненароком прикоснуться сосками то к его груди, то к спине. Затем точно так же поступили и Оливье с Роландом, немедленно обратившие на себя внимание новых претенденток на руку и тело.

И если половозрелые Лани и полуафриканки были уже более-менее пристроены по семьям (и поэтому относились к танцу чисто формально), то волчицы – девицы и недавно овдовевшие молодухи (особенно последние) – просто из шкуры вон лезли, желая обратить на себя благосклонное мужское внимание. Вот одна из них остановилась перед шаманом Петровичем, уперла руки в боки, после чего повела плечами, отчего полушария ее груди, похожие на маленькие арбузики, ритмично заколебались в такт этому движению, да так завлекательно, что вождь непроизвольно почувствовал напряжение в паху. Таких больших и крепких сисей Сергей Петрович не видел еще никогда – и поэтому непроизвольно облизнул губы.

И если Алохэ-Анна принимала участие в охоте и теперь вместе с остальными охотницами отжигала на танцполе, то две старшие жены – Ляля и Фэра (обе беременные, правда, на разных сроках), сидели по обе стороны от своего господина и повелителя. Они видели, что, кроме этой волчицы по имени Малу, их мужу оказывают свое особое внимание еще несколько женщин и девиц. Среди этих претенденток была и молодая светловолосая неандерталка по имени Цак, которую прозвали так за то, что она постоянно цокает языком. Это у нее был единственный в клане Землеройки маленький ребенок (сын) в возрасте около двух с половиной лет. Впрочем, никаких иных недостатков, кроме цоканья языком, у этой молодой женщины не имелось – и Ляля с Фэрой за спиной Сергея Петровича уже перешептывались, согласовывая ее кандидатуру в будущие жены.

Если уж в самом начале существования клана Огня вожди постановили, чтобы каждая половозрелая женщина имела своего постоянного мужа, единственного и неповторимого, то пусть все идет, как идет; и шаман Петрович сам пускай расхлебывает последствия того правила, на введении которого он когда-то настоял, а они ему в этом помогут. В первую очередь, надо пригласить эту Цак (как и некоторых других претенденток на семейные банные посиделки)

и посмотреть, насколько они будут хороши в интимной обстановке. При этом за самим мужчиной оставалось только право отвергнуть кандидатуру, если она ему не нравилась. Впрочем, окончательное решение семья примет только после похода в баню, и право голоса в нем будут иметь все жены вождя-шамана. Впрочем, примерно тех же движений не избежал и Андрей Викторович, председательствующий на празднике в противоположном холле Большого Дома, только там картина была немного иной, потому что бывший старший прапорщик имел привычку сам выбирать себе новых подруг, оставляя женам возможностью большинством голосов принять или отвергнуть предъявленную им кандидатуру. И только Лиза имела в его семье положенное старшей жене право вето.

Но не менее интересные вещи происходили и с участвовавшими в охоте молодыми людьми. И если Сергей-младший и Валера уже почти полгода имели по небольшому гарему и почти освоились в обществе, ведущем полигамный образ жизни, то для Роланда и Оливье такая активность молодых волчиц вокруг их персон стала в некотором роде сюрпризом. Они что, наивные, думали, что их минет чаша сия, и они не станут патриархами огромных гаремов, и не будут окружены преданными женами и любящими детьми? Да черта с два. Кстати, у Оливье еще до попадания в каменный век среди одноклассниц уже была девушка, которую звали Эва де Вилье, но только в отличие от Роланда и Патриции они пока не торопились узаконить свои отношения у шамана Петровича. Но, видимо всему должен был прийти конец, потому что того требовали интересы племени, и прежде чем вступать в брак с аборигенками, Оливье придется жениться на одной из своих соплеменниц, которая при этом автоматически становится старшей женой. И нынешний праздник Удачной Охоты с его специфическим сексуальным подтекстом тут ни при чем. Просто он обнажил и обострил те проблемы, которые и без него неизбежно возникли бы на горизонте.

* * *

Тогда же и там же

Люси д`Аркур – бывший педагог и уже не такая убежденная феминистка

Кажется, сегодняшний праздник заранее не планировался – он был проведен по инициативе местных, которые имели обычаем непременно отмечать охотничий успех бурным празднеством. А уж наша охота, конечно же, была донельзя удачной – причем не только в глазах дикарей. И я понимала тех, у кого душа жаждала праздника – я и сама чувствовала потребность как-то по-особенному завершить этот день. С чувством самоиронии мне подумалось, что, наверное, вращаясь в таком окружении, я и сама становлюсь такой же, как местные... Хотя, хорошенько проанализировав свои ощущения, я пришла к выводу, что дело не в том, что я опускаюсь на более низкий уровень. Просто то, что я всегда прятала и подавляла в себе, вырвалось на свободу – и от этого стало необыкновенно легко. Почему так? Этот вопрос я неоднократно задавала себе. И неизбежно приходила к одному – здесь, в Каменном веке, я вернулась к своей сути. Вспоминая себя ту, которая попала сюда три месяца назад, я невольно поражалась изменениям, произошедшим с моим внутренним миром. Причем произошло это без всякого влияния и давления со стороны. Мне никто не навязывал свои взгляды и убеждения, никто не критиковал мои. Меня просто оставили в покое. Да, поначалу мне казалось, что надо мной издеваются, но это оказалось не так. Вся реакция на меня окружающих была вполне естественна. Так же, как и произошедшее после. Видимо, в условиях, которые в нашем мире назвали бы «максимально приближенными к естественным», человеческая суть неизбежно проявляет себя, хочешь ты того или нет. Вот взять Жебровскую. В один миг она попала в самое жалкое положение – и все из-за того, что вся ее сущность вдруг вышла наружу. А ведь она смотрела на остальных свысока, воображая себя важной персоной, приближенной к

вождям – и все это оказалось зыбким и непрочным. Интересно, что с ней будет дальше – я имею в виду, изменится ли она внутренне, как это произошло со мной?

Что ж, возможно, в будущем я еще подумаю над механизмами преобразования личности в первобытных условиях, и, может быть, даже напишу на эту тему научный труд – кто знает, а вдруг он каким-то образом сохранится и дойдет до потомков... Вот тогда было бы очень интересно узнать, зародится ли такое явление, как феминизм...

Раз от раза я все больше убеждаюсь в том, что мои казавшиеся незыблемыми убеждения все больше размываются, теряют свою вескость и силу – словно это был всего лишь мираж, принимаемый мной за истинность. И ведь что любопытно – никто не проводит со мной идеологическую обработку. Иногда, правда, и теперь у меня вдруг возникают какие-то идеи применительно к этому обществу, но уже через мгновение они кажутся мне нелепыми и абсурдными, так что я даже их не высказываю. Лишь однажды я поделилась некоторыми соображениями с мадам Мариной, и она долго смеялась надо мной. Дело в том, что я предложила создавать однополые семьи – ну, то есть где оба супруга – женщины. У нас в Европе это совершенно нормально, и даже я когда-то активно ратовала за то, чтобы выбросить из употребления такие устаревшие слова, как «мужчина» и «женщина», заменив их на выражение «обладатель мужских/женских половых органов». Да и выражение «беременная женщина» тоже вызывало в наших феминистских рядах некоторое возмущение, потому что в условиях прогрессивного общества, когда можно самому выбирать, обладателем каких половых органов ты хочешь стать (хирургия нам в помощь), это словосочетание является дискриминационным. Итак, на мое робкое предложение женить женщин на женщинах мадам Марина расхохоталась и долго не могла успокоиться – она держалась за свой большой живот, а из ее глаз текли слезы... После этого она мне объяснила, что наша главная задача – продолжение рода, усиление племени, и какой вообще смысл создавать однополые пары, ведь тогда племя выродится. Она сказала, что мы, пришедшие из будущего, должны быть примером для местных, и наша задача – по возможности предотвратить ошибки человечества, случившиеся в НАШЕЙ истории. Я сказала, что это вряд ли в наших силах, а она ответила, что попытаться стоит – и именно в этом и заключен весь смысл их миссии сюда, в это темное время невежества. Что это – шанс для всего человечества пойти несколько иным путем, и что если столь удивительная вещь, как попадание сюда, произошла, значит, так было предусмотрено кем-то свыше... Говоря последние слова, мадам Марина многозначительно потыкала пальцем в небо, намекая, очевидно, на Бога.

Отчего-то именно эти слова впечатлили меня особенно сильно. Как-то очень ярко и остро вспомнилось, как пятилетней девочкой я любила Бога, мне нравилось читать про него книжки – и тогда мне казалось, что он, добрый Боженка, всегда незримо стоит у меня за плечом, оберегает от невзгод; утешает и поддерживает. Что он мудро правит всем миром, слушает молитвы и любит всех без исключения – и хороших, и плохих. Но потом все это стало казаться мне смешным. Я поняла, что религия – удел слабых людей. Они предпочитают плыть по течению, называя это «покоряться Божьей воле», но на самом деле просто не хотят бороться за улучшение своей жизни и жизни всего человечества. Окончательно удостоверилась я в этом, когда вступила в ряды борцов за гендерное равенство. Более того – мне стало ясно, что религию придумали мужчины, чтобы подчинять себе женщин.

Но сейчас, прожив три месяца вне всякой цивилизации, я стала понимать, что не все так однозначно. Сам факт того, что можно вот так нечаянно за один миг переместиться во времени, заставлял поверить во многое, что раньше могло показаться фантастическим и невероятным. Мне вспомнилось, как однажды Андре, который любил пофилософствовать, высказал предположение о том, что для Бога не существует такого понятия, как время, что это он сам творец времени, и не подчиняется ему. Мой рыжеволосый друг, размахивая руками, вдохновенно рассуждал: «Понимаешь, это только для нас, людей, время – протяженная линия. Если мы поставим на этой линии точку, для этой точки будут существовать такие понятия, как до и

после, справа и слева, сверху и снизу. Для Бога же время – это плоскость. То есть все события для него происходят одновременно. Бог существует во всех временах сразу, и для него нет прошлого и будущего...»

Итак, теперь мой разум был открыт. Если сказать образно, то я словно обрела крылья, дающие мне возможность посмотреть на мир с другой точки зрения – и не просто с другой, а именно с высоты. Ко мне стало приходить понимание, что нельзя коснеть в своих убеждениях, и что нужно сполна пользоваться возможностью расширить свои горизонты. Ко всему теперь я стала относиться гораздо спокойнее, и рассуждала теперь не через призму приобретенного мировоззрения, а через собственную суть, с точки зрения того, какие чувства во мне вызывает та или иная вещь. Не всегда, правда, мне это удавалось, но я к этому стремилась. Таким образом, я развивала в себе тонкую восприимчивость к миру, утраченную многими моими современниками там, в двадцать первом веке...

Сегодняшний спонтанный праздник пробудил во мне что-то доселе неведомое. Танцы в свете очага, звук самодельных барабанов, шелканье кастаньет и хлопки ладоней создавали совершенно экзотическую музыку, которую раньше я бы назвала «дикарской»; но теперь это была и моя музыка, и она меня зажигала, и под нее я, отдавшись зажигательному ритму, танцевала что-то дикое и первобытное, двигая телом так, как оно само хотело, и оно, это тело, получало от этого удовольствие... Что-то животное, чувственное было в этом ритме, и в этом танце, и все это пробуждало непривычные желания... Это было что-то сродни оргии, но мне это нравилось, и никакого разврата в этом я не находила. Я с удовольствием наблюдала, как девушки заголяют верхнюю часть тела – блики огня плясали на их коже, сверкали белозубые улыбки, и весь воздух был пропитан страстью и жадой жизни... Все казалось необычайно прекрасным, словно я напрямую приблизилась к вечной загадке бытия... Было легко и радостно, словно в эйфории, и я любила всех, кто окружал меня сейчас. А когда зеленоглазый красавчик Гуг вдруг возник рядом и стал кружиться вокруг меня, выпятив грудь, я почувствовала такой жар, словно по моим жилам разлили огонь. Я смотрела на мощную обнаженную грудь своего поклонника – и очень эротические мысли настойчиво лезли в мою голову, что, собственно, было мне несвойственно. Я дивилась сама себе, тем не менее у меня не возникало побуждение одернуть себя, как обычно. К тому же все те, кто танцевал рядом, с видимым удовольствием поглядывали на нас, жестами и хлопками выказывая свое одобрение. Несколько проказниц при помощи жестов пытались было убедить меня, чтобы и я продемонстрировала свои «прелести» – и, честное слово, я чуть было не сделала этого в каком-то эротическом исступлении... Но вовремя взяла себя в руки. Однако, хоть я и не поддалась на уговоры, уверена, что Гуг очень хорошо почувствовал мое настроение. Уж очень хитрый и довольный был у него вид, а в зеленых глазах то и дело мерцали озорные огоньки...

* * *

5 января 2-го года Миссии. Пятница. Дом на Холме

Охота на кабанов прошла удачно, и праздник тоже удался, но вожди были озабочены тем, что их племени, значительно увеличившемуся в размерах, остро не хватает теплых шкур для пошива теплой зимней одежды. И не надо говорить, что раз миновал Новый год, так и зиме конец. Совсем нет. Как предполагал Сергей Петрович и Фэра подтверждала эти предположения, зима тут продлится до конца марта, а значит она только-только началась а не находится в своей середине. В принципе, дальний поход в тундростепи по льду замерзшей Дордони как раз с этой целью был запланирован еще летом, и теперь пришло время осуществить этот план, а охота на кабанов была только генеральной репетицией. Для того чтобы добраться до тундростепей, требовалось пройти примерно через сто с небольшим километров вверх по течению Дордони, на каждой развилке сворачивая на левый приток. Сначала это будет сама Дордонь,

потом ее приток река л`Иль, потом река Дронн, по левому (южному) берегу которой будут еще леса, а по правому (северному) чуть всхолмленные тундростепи.

Потом, если пройти еще на пятьдесят километров дальше вверх по течению, почти до самого истока реки Дронн, то можно прийти к зимней стоянке клана Северного Оленя, передать привет новым родственникам. Сергей Петрович и Андрей Викторович, которые собирались возглавить эту операцию, предполагали именно второй вариант. К стоянке Северных Оленей идти потребуется на два дня дольше, но зато это сулит множество дополнительных бонусов. Во-первых – в ходе этого ответного визита будет необходимо реализовать предварительную договоренность о совместной охоте, достигнутую вождями во время осеннего визита вождя Ксима в племя Огня. Сергей Петрович и Андрей Викторович должны будут показать местным вождям, что всегда придерживаются достигнутых договоренностей, выполняя их и в соответствии с буквой и духом.

Успех в деле дипломатии много значил для вождей, собиравшихся специализировать племя Огня на промышленном производстве. Ведь это производство подразумевало последующий торговый обмен, к примеру, на каолиновую глину, запасы которой имеются на территории клана Северных Оленей. Пока племя Огня могло предложить на обмен только грубую глиняную посуду, в которой можно готовить еду, ставя ее на огонь, и некоторые изделия из дерева, вроде лыж. С весны, можно будет предложить на обмен нитки, выделанные из прошлогодних крапивных стеблей. И даже простые крапивные нитки для аборигенов каменного века это уже величайший технический прорыв, ибо шить выколоченными из оленьих сухожилий жилками, как это делают они, это же величайшее мучение.

И как раз весной Антон Игоревич начнет строить свой маленький металлургический заводик. Производство чугуна и стали это можно сказать самый главный проект племени Огня, без которого нет, и не может быть, никакой цивилизации. Но для того чтобы построить ма-а-аленькую домну и ванну для продувки чугуна воздухом, что должно превратить его в сталь необходимы огнеупорные шамотные кирпичи, для производства которых требуется каолиновая глина. На территории других кланов, далеких и близких, тоже имеются запасы сырья, необходимого племени Огня. У кого-то медная руда, у кого-то (на территории Бретани) самородное олово, а те кланы, которые проживают на океанском побережье, могут в летнее время выпаривать из морской воды соль, а также собирать и сушить морские водоросли, при пережигании которых получается натриевая (пищевая) сода.

Но все эти выкладки упираются в одно большое «Но». Для того, чтобы Северные Олени и другие кланы могли заниматься добычей сырья для меновой торговли, их нужно освободить от постоянно нависающего над ними призрака голода. Техническая база местных кланов по добыче пропитания настолько слаба, что, несмотря на чрезвычайно низкую плотность населения, они постоянно находятся под угрозой вымирания от голода. И нельзя сказать, что окружающая их природа истощена. Реки тут кишат рыбой, в степи пасутся огромные стада травоядных, а неистощенная земля пойменных долин в любой момент, как только у аборигенов возникнет желание заняться земледелием, готова полыхнуть огромным урожаем той же картошки. Но взять все это местные не могут, ибо для интенсивной рыбалки им не хватает рыболовных крючков, а для охоты дальнедействующего оружия, луков со стрелами и копьеметалок с легкими дротиками. О земледелии мы уж вообще молчим, ибо эта идея требует оседлого образа жизни, а местные кланы постоянно перемещаются по своей территории, подчиняясь сезонной миграции животных в основном стадных травоядных вроде диких лошадей, северных оленей, или овцебыков.

Поэтому этот поход в степи был нужен вождям не только для добывания шкур и желательно молодняка стадных животных, но еще и для прикармливания клана Северных Оленей, а также их соседей. Если облавная охота в степи будет хотя бы наполовину так удачна как войсковая операция против кабанов, то охотники племени Огня будут просто не в состоянии вывезти

все добытое мясо. На санях-волокушах, которые по речному льду потянет за собой УАЗ, хватило бы места для всех добытых в ходе этой охоты шкур, а вот мясом придется делиться с местными участниками охоты. Но и делиться тоже надо не просто так, а со смыслом, чтобы привязать к себе как вождей, так и рядовых членов племени. Поэтому направляясь с визитом в земли Северных Оленей, Сергей Петрович повезет с собой подарки, которые на самом деле будут замаскированным приглашением к натуральному обмену, то есть бартеру. При этом совместная охота станет обучающим процессом, который должен будет избавить местные кланы от голода и высвободить их время и ресурсы для добычи сырья, необходимого для начала натуральной торговли с племенем Огня.

Кроме Сергея Петровича, Андрея Викторовича и Люси в поход должны были направиться Сергей-младший, Гуг, а также трое бывших французских школьников Роланд Базен, Оливье Жонсьер и Максимилиан Кюри. При этом, каждому из охотников предложили взять с собой по одной жене, ну там по хозяйственной надобности и вообще для горячего обслуживания мужских организмов, на ночных стоянках около жаркого костра. Сергей Петрович взял себе Алохэ-Анну, Андрей Викторович – молодую Лань Миту, Сергей-младший взял с собой Таэтэ-Таню, а Гуг вообще отказался брать с собой хоть кого-нибудь, явно надеясь уговорить на эту роль Люсю. Самонадеянный парниша. Ролан Базен взял с собой свою первую жену, Оливье Жонсьер, наконец, сделал предложение Эве де Вилье, а Максимилиан Кюри, взял с собой сестер-близняшек Анну и Габриэлу Паскаль. Ну что поделаться, если парень никак не может выбрать из двух совершенно одинаковых девушек и собирался последовать примеру Валеры и жениться сразу на обеих. Ну и в последний момент добровольно идти в поход вызвалась Ольга Слепцова. Не в качестве чьей-то жены (Боже упаси) а сама по себе.

Все утвержденные к походу кандидатуры прошли у Марины Витальевны медицинский осмотр и были признаны годными. Первоначально у Андрея Викторовича были некоторые сомнения по поводу юных французов и особенно француженок, но Марина Витальевна заверила, что за три месяца жизни в каменном веке все они вполне акклиматизировались, окрепли и набрались сил и теперь, несомненно, способны перенести тяготы и лишения жизни в дальнем лыжном походе. Так что за их физическое состояние главный охотник может не беспокоиться. Если он не будет гнать свою команду бегом, то они вполне будут способны выдержать это путешествие. После того как решение было принято, остаток времени ушел на сборы участников будущего путешествия, поиск необходимых для него вещей и последние инструктажи, а само выступление в поход должно было состояться на рассвете следующего дня.

* * *

6 января 2-го года Миссии. Суббота. Утро. Дом на Холме

Выступление в дальний поход прошло без особых церемоний, то есть без музыки и торжественных речей. Первым, приминая пышный снег огромными колесами-дутиками, тронулся УАЗ, за которым на буксире тащились большие сани-волокуши, нагруженные всякой всячиной, необходимой в походном быту. Машина, за рулем которой сидел Андрей Викторович, двигалась со скоростью не очень ленивого пешехода, а в полосах примятого снега от широких колес и полозьев саней двумя цепочками выстроились лыжники охотничьего отряда. Веселые, румяные, они шли на подбитых шкурами широких охотничьих лыжах по скрипящему от морозца снегу – и жизнь казалась им прекрасной и удивительной. Тем более что старший прапорщик решил не гнать темп с первого дня, а позволить сперва людям втянуться в походную жизнь.

Замыкали процессию вторые сани, меньшие размером – в них, по всем правилам, была впряжена прирученная кобыла, которая охотно отзывалась на кличку Маса, что дала ей маленькая Вероника. Основным грузом Масы было сено, которое она везла в качестве запас-

ного корма для нее самой и для жеребенка, что бежал сейчас рядом с санями. Ну и дополняли поклажу двое пассажиров – медсестра Люся с запасом медицинских средств и ее хвостатый питомец по кличке Ами³, расставаться с которым она отказалась наотрез. Впрочем, молодой кот хлопот никому не доставлял – большую часть времени он дремал, пригревшись у Люси за пазухой полушубка. Он вообще отличался редкостным благонаравием, за что даже заслужил от Андрея Викторовича прозвище «флегма полосатая». Лишь иногда он вылезал из своего уютного убежища, потягивался, нюхал снег, фыркал, быстро делал свои дела или ел с рук женщины нарезанную ломтиками рыбу. Потом, благодарно мурча, кот снова забирался в тепло. И только когда неистребимое кошачье любопытство одолевало его, можно было увидеть, как из Люсиного полушубка, где-то на уровне груди, забавно торчит треугольная мордочка с круглыми зелеными глазами, полными интереса к этой прекрасной жизни.

Ну и, естественно, охотничью экспедицию сопровождали бегущие за санями лайки Майга и Шамиль. Весь собачий молодняк был оставлен дома, как и их мать Зара, порода которой имела скорее охранно-пастушескую, чем охотничью специализацию.

Примерно час спустя, миновав место слияния рек, процессия скрылась за поворотом Дордони, и только полоса примятого снега указывала направление, в котором ушли лучшие из лучших членов племени Огня – и тем, кто вышел провожать их на речной берег, не оставалось ничего иного, как вернуться к своим обычным делам. Пройдет время, и ушедшие обязательно вернуться с санями, по самый верх нагруженными добычей, а также с новыми впечатлениями и рассказами о том, какие кланы они встретили по пути, какие звери водятся в великой степи, и о том, как прошла большая охота и кто как себя на ней показал. И только один человек, Марина Жебровская, только-только отходящая от своего ранения, не желала ушедшим удачной охоты и успешного возвращения; но, видимо, духи Удачи были глухи к просьбам такого нехорошего человека, потому что ее мольбы и проклятия так ни к чему и не привели, пропав втуне.

Надо сказать, что чем дальше продвигался процесс выздоровления раненой, тем внимательней за ней присматривали. Один раз эта девушка уже показала, что в ее голове не все дома, и кто знает, чего можно от нее ожидать в следующий раз – нападения на кого-то из членов племени с целью убийства, попытки поджога Большого Дома или какой-то пакости, которая испортит продовольственные запасы. Были в племени горячие головы, которые предлагали решить вопрос радикально. Мол, встала с постели, ходит сама; так давай изгоним ее прямо сейчас, дав с собой запас продуктов на три дня – вот и вся недолга. А если некоторые говорят, что так она будет сильно мучиться, то можно выставить эту Марину голой на мороз, а уже утром от нее уже не будет никаких проблем. Кинул труп в прорубь – и все дела⁴. Но вожди, а в особенности Сергей Петрович и Марина Витальевна, о таком варианте развития событий запретили и думать. Сказано «отсрочка до весны», значит, так и будет.

* * *

6 января 2-го года Миссии. Суббота. Вечер. Место привала на левом берегу Дордони, примерно в 20 километрах от Большого Дома (в наши дни поселок Порт де Пер)

Ольга Слепцова

Первый день похода был для меня как откровение. Вот остался позади берег с мостками, с которых младший Антон ловит свою рыбу. Потом растаял вдали дымок, днем и ночью

³ Ами – по-французски «Друг».

⁴ С самого начала в племени Огня как-то сам собой сложился обычай, что на кладбище хоронят только хороших, добропорядочных людей, а всех преступников, налетчиков, грабителей и людоедов доверяют течению Гаронны, чтобы та отнесла тело в Бискайский залив, подальше от места проживания племени, которое таких людей не желает знать.

поднимающийся над Большим Домом. Затем поворот реки скрыл от нас привычный пейзаж с видом на здания промзоны и прочими следами разумной человеческой деятельности – и с этого момента со всех сторон нас окружала исключительно экологически чистая дикая природа. Кажется, кроме нас, никаких людей нет и в помине, и сколько бы мы ни шли по этой застывшей от холода реке, все равно никуда не придем. Конечно, умом я понимала, что все это ужасная дурь и наваждение, что существуют другие племена и кланы; есть достаточно плотно населенная Африка, где не бывает холодов, а на территории Пиренейского полуострова (и в горах Крыма), как в заповедниках, продолжают проживать крошечные кланы неандертальцев.

Лично познакомившись с этими людьми (а в том, что это именно люди, у меня теперь нет никакого сомнения), я увидела, что они – большие, сильные, но в то же время неуклюжие и отчего-то необщительные, склонные к меланхолическим мистическим переживаниям – мало чем отличаются от меня и моих товарищей. Они так же радуются и печалются, так же любят своих детей и страдают от боли, когда по неосторожности бьют себя по пальцу молотком или роняют себе на ногу что-нибудь тяжелое. Да, их ум так же неуклюж, как и их руки, но если ты сумел стать их другом, то эта дружба будет навеки. К сожалению, ни одна из неандерталок не идет с нами на большую охоту. Во-первых – с их большой массой тела и короткими ногами они очень быстро утомляются даже при походе на лыжах, а во-вторых – они просто боятся удаляться прочь от привычных мест. То, что они пошли за Сергеем Петровичем и переселились к сам со своей стоянки у солевой шахты, с их стороны и так было огромным подвигом и героизмом духа. Правда, мадмуазель Люси сказала мне, что эти неандерталки просто проявили слабость, в отсутствие самцов своего вида позволив командовать собой первым попавшимся мужчинам, но я думаю, но это слишком поверхностное и примитивное объяснение, не отражающее всей полноты картины.

Просто и сама Люси, пусть она даже того не замечает, меняется буквально на глазах, из злобной феминистки, зацикленной на своих идеях, превращаясь в доброго и отзывчивого человека. Вот и сейчас мужчины при помощи мачете-кукри режут из слежавшегося снега большие блоки-кирпичи, а Люси вместе с остальными женщинами и девушками нашего отряда, складывает из них круглую защитную стенку, которая защитит место ночевки от пронизывающего ледяного ветра. В середине этого круга из снежных блоков (пока высотой около метра) горит костер, над которым висит котел с растапливаемым в нем снегом. А это еще та возня – как и снежная стенка, которая только имитирует жилище. И так будет каждый вечер нашего путешествия. Раньше построенный вождями Большой Дом казался мне темным, неудобным и очень плохо спроектированным, но теперь я понимаю, что, несмотря на все свои недостатки, он успешно решает главную поставленную вождями задачу. То есть – при минимуме дефицитных материалов, которые потребовалось везти из нашего мира будущего, и трудозатрат на строительство дает возможность максимальному количеству людей перезимовать с максимальным же комфортом.

* * *

Три часа спустя, та же Ольга Слепцова

А снежный дом с полукруглой, сходящейся к небольшому дымовому отверстию крыши оказался не так плох, как мне казалось в самом начале. После того как на вход навесили оленью шкуру, а снежный пол устелили наломанными в ближайшем лесочке еловыми ветками, поверх которых бросили шкуры, обстановка внутри стала вполне приемлемой. Догола в таких условиях раздеваться бы не стала, но по сравнению с тем, что творилось снаружи, это был настоящий рай. Температура была достаточно комфортной, чтобы снять верхнюю одежду, но самое главное – сюда не задувал тот противный пронизывающий ветер. Стены изнутри немного

оплавились, но Сергей Петрович объяснил, что весь этот ледяной дом растаять не сможет – так уж он устроен – хотя ледяную сауну он бы строить не взялся.

А уж приправленная местными травами горячая похлебка из свинины с картошкой и вовсе показалась мне самой лучшей едой на свете. Мы ели ее, сидя по кругу и прижавшись боками друг к другу. Грубые глиняные миски местного производства, полные горячего варева, стояли у нас на коленях, и вместе с ощущением сытости к нам начинало приходить ощущение настоящего блаженства. О, мне хотелось полюбить весь мир, и в первую очередь моих товарищей по путешествию, которые давали мне такое замечательное ощущение покоя, комфорта и чувства дружеской поддержки. С новой остротой пришла мысль о том, что я нормальная женщина, хочу семью, детей, дом и все такое; и сейчас я с умилением глядела, как нежничают со своими женами вожди и молодой Сергей, как клеится к Люсе рыжеволосый громила Гуг, как наши французские мальчишки, подражая вождям, обхаживают своих подружек. Особенно поражает Максимилиан, который раньше (я точно знаю) на девушек боялся даже смотреть, а теперь обнимает сразу двух своих красоток-одноклассниц, и по всему видно, что и они тоже не прочь ответить ему взаимностью.

И мне тоже захотелось любви и ласки, а убеждение, что мой мужчина должен быть обязательно только моим и больше ничьим, начало потихоньку колебаться и таять. Ну что поделать, если при таком соотношении мужчин и женщин в племени такое убеждение противоречит сложившимся реалиям. Если взглянуть на сложившиеся обстоятельства трезво, то становится понятно, что мое нежелание как-то менять свой семейный статус является временным, а сложившееся соотношение полов в племени – это вещь постоянная. Рано или поздно мне придется выбирать себе мужа, а его жены, без разницы происхождения и цвета кожи, будут оценивать меня – гожусь ли я им в подружки; и у мужчины при этом будет только совещательный голос, ну и еще, на крайний случай, право вето. Как мужчина, больше всего мне импонирует Андрей Викторович, мускулистый и подтянутый мужчина в самом расцвете сил. Но вот домашняя атмосфера мне больше нравится в семье Сергея Петровича, и я думаю, что это важнее мужской привлекательности главного охотника.

Но самым интересным было наблюдать, как шатаются стены прежде нерушимой твердыни, уже почти готовой сдать победоносному завоевателю. Это я о Гуге и о Люсе. Вот он одной рукой как бы ненароком обнял ее за плечи, а другую попытался запустить за пазуху, но с озадаченным видом, под тихие смешки, сразу же выдернул ее оттуда. Правильно – в этом тепленьком местечке у Люси живет кот, который не потерпит никаких покушений на свою хозяйку. Но Гуг не унывает; и думаю, что он будет пытаться делать это снова и снова – и в конце концов добьется успеха...

* * *

11 января 2-го года Миссии. Четверг. русло реки Дрон, притока притока Дордони (километров пятьдесят юго-восточнее современного города Ангулема)

Путешествие к зимнему стойбищу клана Северного Оленя продолжалось несколько дольше, чем планировали вожди. Прихотливое, извилистое течение рек, петляющих «две шага направо, две шага налево», глубокие снега в начале путешествия и сильные пронизывающие ветра в его конце тормозили путешествие. Один раз, на четвертый-пятый день, из-за разыгравшейся пурги членам племени Огня пришлось сутки отсиживаться в сложенном их стараниями снежном домике, выходя из него только по нужде и для того, чтобы наломать дров (в прямом смысле). Также время от времени им требовалось подновлять сложенную из снега ветрозащитную стенку, которая прикрывала от буйства стихии лошадь с жеребенком и припаркованный там же УАЗ.

Но ничего – пересидели, и даже не без удовольствия, которое, несмотря на холод, скудность и отсутствие уединения, полтора десятка разнополых участников экспедиции вполне смогли доставить друг другу. Когда стало понятно, что пурга утром и не думает утихать, (а значит, выход в поход откладывается на неопределенное время), Сергей Петрович распорядился взять с УАЗа полотнища от палатки и организовать в снежном доме выгородку, в которой могли бы по очереди уединяться семейные пары. Для дополнительного комфорта поверх еловых ветвей были положены несколько набитых сеном мешков, поверх которых было настелено еще одно брезентовое полотнище. В качестве источника света и тепла по углам поставили несколько самодельных жировых светильников, изготовленных в мастерской Антона Игоревича. И все – временное уютное гнездышко для семейных парочек готово.

Ведь если людям нечего делать, то им только и остается, что изнывать от страсти к своим половинкам противоположного пола. На самом деле телевизор и прочие развлечения технологической цивилизации изрядно снижают репродуктивный потенциал общества; но тут-то совсем другое дело. При столь редком населении этот самый потенциал следует всяческим образом повышать, ибо дети, зачатые этим व्यюжным днем, будут среди тех, кто унаследует эту Землю со всеми ее богатствами и красотами.

Первым в соответствии с правилами старшинства загородку опробовал сам вождь-шаман со своей темнокожей супругой Алохэ-Анной, потом зашел Андрей Викторович со своей женой, молодой Ланью Митой, за ними пошли следующие по очереди Сергей-младший и белозубая смуглянка Таэтэ-Таня; и так далее по списку. Но самое интересное началось, когда пора уединяться за занавеской дошла до Гуга, который потянул за собой за руку растерянную и раскрасневшуюся Люсю. С некоторых пор бывшей французской учительнице начали нравиться все те ласки, обжимания и поглаживания, которыми ее в последнее время щедро оделял этот первобытный кроманьонец. И что ей было делать – упираться до последнего или покориться столь настойчивому ухажеру и влечению естества, которое в последнее время нашептывало ей о том, что пора прекратить бессмысленное сопротивление? И вот она встала и, передав своего кота Ами в руки Анне Паскаль, сделала несколько шагов, и вслед за Гугом скрылась за брезентовой занавеской.

При этом Петрович подумал, что, может, так оно и к лучшему. Ведь Гуг для Люси – это не самый плохой вариант. Да, он родился дикарем, но никто из нас не выбирает место и время своего рождения. Зато он умен и хорошо вжился в общество вождей племени Огня, разделяя все их цели и интересы, отчего считается правой рукой главного охотника Андрея Викторовича. Кроме того, в его многосложной семье царит если не идиллия, то вполне дружеские и теплые отношения, когда между собой жены ведут себя как добрые подружки, а мужчина никогда не применяет для утверждения своей власти окрик, или, не дай Великий Дух, свой тяжелый кулак. Если Люся выйдет за Гуга замуж, то по обычаям племени Огня, как прибывшая из далекого будущего, автоматически станет в его семье старшей женой – а это не только права, но и ответственность.

Все же остальные наблюдали за происходящим с некоторой долей изумления и даже обалдения. Некогда неприступная твердыня все-таки выбросила белый флаг и гостеприимно распахнула свои ворота перед настойчивым завоевателем, уже давно осаждавшим ее стены. И вот, некоторое время, сперва потихоньку, а потом все громче и громче из-за занавески начали раздаваться звуки женской страсти, которую никто и никак не ожидал от чопорной и замкнутой Люси. Порой они становились довольно громкими, так что остальные начинали переглядываться многозначительными и одобрительными взглядами. Минут через сорок растрепанная французенка вышла из-за занавеси – цветущая, как майская роза, и довольная, как кошка, сожравшая килограмм сметаны. Она словно помолодела лет на десять, и была похожа на шаловливую студентку.

– Пардон, месье и медам, – смущаясь, сказала она, забирая у Анны Паскаль своего кота, – прошу меня простить, но, кажется, я, наверное, немножко громко кричала...

«Месье и медам» грохнули оглушительным хохотом – не только потому, что слова Люси «немножечко громко» не отражали полноту ситуации, но и потому, что появившийся за ее спиной донельзя довольный Гуг показал всем оттопыренный большой палец – мол, все прошло вполне успешно, и женщина – первый сорт.

* * *

Тогда же и там же. Люси д`Аркур – медсестра и уже почти не феминистка

Этот рыжий дикарь просто не дает мне прохода... А я хочу на него рассердиться, но не могу! Сколько я ни боролась с собой, в итоге пришлось признать, что меня влечет к этому само-надеянному мальчишке... Подумать только – ему ведь всего семнадцать лет! Многим моим ученикам там, дома, было столько же. Но там мне бы никогда и в голову не пришла мысль о подобной интрижке... А здесь... Меня бросает в жар, и сердце начинает трепетать, когда он ко мне прикасается. У него такая необычная внешность... И ведь, если честно, я вовсе не воспринимаю его как мальчика. У него красивое тело и сильные руки... А самое главное – нет, ну надо же! – он в меня влюблен. Никогда бы не подумала, что меня до такой степени впечатлит влюбленность какого-то неотесанного дикаря...

Что же это со мной происходит? Итак, будем анализировать. Я – нормальная молодая женщина гетеросексуальной ориентации. Там, во Франции, у меня случались романы. Никогда не была ханжой, но и распутницей тоже... Но как-то с некоторых пор стала я уж чересчур привередлива к мужчинам. В их поведении, словах мне виделись поползновения против гендерного равенства. Раз от разу я убеждалась, что подавляющее большинство мужчин не считают женщину равной себе. На словах они могли соглашаться со мной, но я чувствовала, что в душе они посмеиваются над моими убеждениями. В основном их конечной целью было удовлетворить свой примитивный инстинкт – то есть затащить женщину в постель; это они воспринимали как своеобразную победу. В юности со мной так и произошло... Я любила того человека, хотела серьезных отношений... А он мне заявил, что не создан для этого, что он мужчина-охотник, и его всегда влечет новая «добыча»... И, покровительственно глядя меня по щеке (мы с ним лежали обнаженные на черных шелковых простынях), добавил, что надеется навсегда остаться в моей памяти как первый мужчина... Он всерьез предполагал, что я буду ему благодарна! Он считал, что сделал для меня благое дело. А я... я честно пыталась быть благодарной. Быть современной. Смотреть на жизнь проще... Но только вот опустошение в душе еще долго не позволяло мне радоваться жизни как раньше, от чистого сердца. И только идеи феминизма спасли меня от этой губительной пустоты. Я научилась относиться ко всему так, чтобы не испытывать горького разочарования. Да, я многому научилась, стала сильной и довольной собой. Я сделала идеи гендерного равенства своей религией (люди склонны боготворить то, что принесло им спасение).

Да, на том этапе феминизм действительно оказался полезен для моей истерзанной мятущейся души. А потом я перестала думать и сомневаться, и моя вера стала слепой... Или я просто боялась? Боялась, что и эта вера рассыплется подобно карточному домику, как когда-то вера в Бога?

Но вот я оказалась в Каменном веке – и от моих идей не осталось почти ничего... Я думала, что феминизм универсален, а оказалось, что это заблуждение. Вообще, если отбросить всю шелуху и оставить лишь суть, то тут, в этом обществе, как раз и имеет место самое настоящее гендерное равенство. Женщины здесь не бесправны, они решают вопросы наравне с мужчинами. Работают тоже. Да, в силу обстоятельств у них не велик выбор в плане «работы» и спутника жизни, но нельзя не признать, что законы этого общества справедливы. Теперь я

убедилась, что «предназначение» существует, так же как существует и многое другое, «что и не снилось нашим мудрецам». Я же во время пребывания здесь научилась терпению, сопереживанию, чуткости; необычайно расширились мои горизонты восприятия, мой разум стал яснее и гибче. И еще – я научилась доверять себе и своим чувствам. Как это легко – просто жить, воспринимая все напрямую, а не через призму приобретенных убеждений... Именно у русских я научилась этому – и, кажется, даже полюбила их...

А мой дикарь... Что ж, наверное, не стоит дальше сдерживать себя. У меня не было секса года два. И такого сильного влечения мне, пожалуй, испытывать еще не приходилось. И вот ведь интересно – у этого Гуга на меня матримониальные планы... Разве в нашей Франции 21 века я могла рассчитывать выйти замуж за молоденького красавчика? Ха-ха, да ничего подобного! Такие, как он, юноши могли бы только поразвлечься с такой как я. Черт возьми, не могу не признать, что мне это ужасно льстит... Я ощущаю себя красивой и желанной... К тому же приятно ощущать себя «статусной» женщиной... Да ведь я и есть статусная! Кто я была во Франции? Обыкновенная училка – одна из тысяч. А здесь я – важная персона, от которой многое зависит, завидная невеста...

Но что может произойти, если я дам волю своему желанию? Наверное, все ждут, что после секса я выйду и торжественно объявлю: «Теперь, как порядочная женщина, я обязана выйти замуж за этого мужчину...»? Но я НЕ ХОЧУ замуж! Я просто хочу удовлетворить свое либидо. Ведь одно из немногих оставшихся у меня убеждений гласит: «Брак – это союз двух равных, зрелых людей, основанный на взаимоуважении и т. д.» А тут – гарем! Нет, это не для меня.

Так что ни о каком замужестве речь идти не может. Ну что они сделают, если я, переспав с этим парнем, все-таки отвергну его руку и сердце? Да ничего! Тут никого ни к чему не принуждают. А сам мальчишка? Ох и обидится, наверное... Ну да ничего, как-нибудь переживет. Вообще, интересно, почему он так на мне зациклился? Вон у него какой выбор – просто цветник, и любая была бы безумно счастлива стать его очередной женой...

Но выбрал-то он меня! Юноша прямо обезумел от страсти. Да и я... Так и чувствую, как кровь бурлит, когда вижу его. Честно говоря, я бы расстроилась, если бы он взял в этот поход кого-то из своих молоденьких женушек. Ну что ж, раз мы оба готовы, значит, быть посему...

Кажется, он и сам обалдел, когда я вдруг встала и безропотно пошла за ним в палатку. А когда мы остались наедине – тут-то я и выпустила на волю весь свой темперамент! Я набросилась на моего кроманьонца как дикая кошка. Мальчик оказался просто прелесть... Выяснилось, что, несмотря на солидный опыт семейной жизни, он не сильно искушен в вопросах фееричного секса. Я с огромным удовольствием восполняла этот пробел в его образовании... Выла пурга, хлопья снега густо засыпали землю; скованная холодом, спала суровая первобытная земля; а нам с моим юным дикарем было жарко – причудливо сплетались наши не ведающие устали тела, и звуки наслаждения и сладострастия пронзали воздух вокруг палатки, заставляя наших спутников качать головами и дивиться странному промыслу судьбы, что свела в порыве неистовой страсти юного дикого охотника и тридцатилетнюю французскую учительницу...

* * *

15 января 2-го года Миссии. Понедельник. Около полудня. Тундростепи, недалеко от истока реки Дрон, притока притока Дордони (километров двадцать юго-западнее современного города Лиможа)

Пурга утихла к утру двенадцатого числа, после чего никаких препятствий для дальнейшего путешествия не оставалось. Собственно говоря, путь уже подошел к концу. Деревья в этой местности росли только вдоль русла реки и впадающих в нее небольших ручьев, а во всем

остальном по обе стороны от речной долины простирались чуть всхолмленные просторы ледниковой тундростепи. Как это всегда бывает после ненастья, воздух тем утром был прозрачен и чист, горизонт не заволакивала дымка, и в этом чистейшем, хрустальном воздухе было видно, что прямо перед путешественниками на горизонте вздымаются горы знаменитого Центрального массива. При этом среди горных вершин попадаются курящиеся шапками испарений знаменитые вулканы⁵ Оверни, прекратившие свою деятельность только с завершением последнего ледникового периода около десяти тысяч лет назад.

Однако путешественникам требовалось продолжать идти, до цели оставалось уже совсем недалеко; и чем дальше продвигалась охотничья экспедиция, тем меньше вокруг росло деревьев, а на земле лежало снега, при этом сама местность становилась все более всхолмленной. Но все когда-нибудь кончается, закончился и этот поход.

Зимнее стойбище клана Северного оленя располагалось в узкой речной долине, окаймленной невысокими, но довольно крутыми холмами, которые защищали ее от пронизывающих ветров. Снега на земле лежало совсем мало, и зачастую земля была полностью открыта, как в лежащих прямо за холмами тундростепях. Пещера, в которой жил клан вождя Ксима, была природным образованием, любовно расширенной и углубленной руками многих предыдущих поколений. Как считали сами Северные Олени, пещера была большой, удобной, с естественным дымоходом-расщелиной, уходящей к вершине холма. Также у нее были такие неоспоримые дополнительные достоинства, как протекающая поблизости река и ориентированный на южную сторону выход, что защищало его от свирепых северных ветров и давало днем в ясную погоду дополнительное освещение и тепло от солнечных лучей. Конечно, это не Большой Дом, но по меркам местных, это роскошное жилье со всеми удобствами.

Однако, осмотрев пещеру, Сергей Петрович пришел в ужас. Достаточно было не очень сильного землетрясения (а там где вулканы, там и землетрясения) – и холм оседет, засыпав пещеру и придавив всех ее жильцов. При помощи Миты он в матерных выражениях высказал эти соображения Ксиму. Тот в ответ пожал плечами и философски изрек, что земля здесь трясется достаточно часто, и тогда члены клана хватают ноги в руки и кто в чем был выскакивают наружу от греха подальше. А тех, кто не успел, потом вытаскивают из-под завалов и хоронят. Осмотрев свежие отколы камня на потолке, шаман Петрович кивнул и сказал, что Северным Оленям так сильно везло, потому что за все время жизни клана в этой пещере не было ни одного сколь-нибудь серьезного землетрясения. Уже шести баллов, случись они ночью, будет достаточно, чтобы весь клан похоронило прямо внутри их жилища.

– Друг Петрович, – спросил Ксим, – ты предлагаешь мне построить такую же верхнюю пещеру из глины и камней, как и у вас?

Услышав этот вопрос, шаман племени Огня задумался. ТАКОЙ дом строить точно не имело смысла. Клан Северного Оленя значительно меньше племени Огня (которому для строительства Большого дома потребовалось создать у себя настоящую индустрию по производству стройматериалов), к тому же возможности у них беднее. Но что-нибудь попроще, причем с использованием в основном местных материалов, построить можно – почему бы и нет. Каменный плитняк, даже не окатанный водой, валяется под ногами, деревья на балки перекрытия растут прямо в речной долине, грунт, покрывающий склоны холмов, состоит преимущественно из глины. Чтобы со всем этим управиться, понадобятся только самые простые металлические инструменты: топоры, молотки, коловороты и зубила для обработки камней.

⁵ На территории центрального горного массива в наше время вулканологи насчитали более восьмидесяти небольших потухших вулканов, которые в то время, в которое попали наши герои, своими пепловыми выбросами внесли немалый вклад в климат ледниковой Европы. Но не исключено, что герои видят только пепловые выбросы и ближайшие к ним горные вершины Центрального массива, потому что протянувшаяся с севера на юг вулканическая цепь находится от них примерно в двухстах километрах на восток, а граница непосредственно горного массива находится на вдвое меньшем расстоянии.

Но такой роскошью они обзаведутся не раньше будущего лета, когда Антон Игоревич все же развернет свое металлургическое производство. А пока требовалось хотя бы попробовать сделать что-нибудь с самой пещерой – например, установить в ней шахтный крепеж из дерева. Как-никак, ему, шаману Петровичу, Северные Олени через Фэру приходится родственниками. Как раз на такой случай (а еще для собственных нужд) он прихватил с собой портативный генератор, работающий от колес УАЗа, а также минимальный набор инструментов, включающий отбойный молоток, цепную пилу, электроножовку и дрель.

– Нет, друг Ксим, – ответил вождь-шаман племени Огня, – сейчас мы ничего стоять не будем, потому что такие стройки можно вести только тогда, когда вода в реке еще жидкая, и женщинам не холодно мешать раствор из глины и делать кирпичи. Но ты не печалься. У нас есть способ сделать пещеру вашего клана более безопасной в тех случаях, когда земля начинает трястись, и займет это совсем немного времени и сил, потому что в этой работе нам будет помогать дух Молнии. Твоему клану надо только немного помочь нам в этом деле, и некоторое время потерпеть от нее небольшие неудобства.

Пока вожди общались о своем, о вождистском, в лагере, который члены племени Огня вознамерились разбить на берегу реки неподалеку от пещеры, работа кипела и жизнь буквально была ключом. Первым делом Андрей Викторович собрал портативный генератор, крутящийся от колес УАЗа, после чего парни с топорами пошли к реке нарезать прутьев тальника и сухого камыша. Женщины принялись распаковывать сани, на которые были навьючены жерди и шкуры, необходимые для постройки большого шатра, а сам отставной прапорщик вместе с Сергеем-младшим принялись долбить в мерзлой земле лунки для установки этих самых жердей. Шкуры на покрывку шатра были взяты из наследства Волков и Ланей, при этом отобрали только изрядно потертые, которые не годились для изготовления одежды.

Технологии при этом применялись преимущественно местные, разве что с небольшими дополнениями, требующими повышенного расхода вязальных ремешков. Сделаны эти дополнения были исключительно для того, чтобы шатер получился больше тех, что строили местные на своих летних временных стоянках и значительно теплее, потому что жить в нем предстояло именно зимой. Дело в том, что охотничьи угодья клана Северного Оленя начинались прямо за холмами, где тундростепь плавно приподнималась к водоразделу между Дордонью и Луарой, и выходя в охотничью экспедицию, вожди планировали оставить здесь женскую часть своего коллектива, чтобы налегке выйти в поход вместе с мужчинами клана Северного Оленя. Но сначала требовалось как следует все обустроить, чем они и занялись.

Нельзя не сказать и о том, что эта их бурная деятельность не привлекла повышенного внимания местных жителей. И если мужчины Оленей наблюдали за всей этой суетой со снисходительным пренебрежением, то их женщины были полны самого искреннего любопытства, а дети и подростки – энтузиазма. Делать зимой в клане особо было нечего, пора Большой Охоты еще не наступила, и в то же время отдельные вылазки охотников в тундростепь не приносили большого успеха. Стада бизонов и северных оленей в этом году были большими, крепко сбитыми, и не желали отдавать своих членов на прокорм людям. Хорошо еще, что при попытках взять настоящую добычу никого из мужчин не убило и не покалечило, а ведь это совершенно обычное дело.

Поэтому, несмотря на успешную рыбалку, жили Северные Олени голодно, особенно женщины с детьми, и запах жирного свиного супа, кипящего в большом котле, притягивал их не хуже магнита. Сначала по одной, неловко и смущаясь, женщины и подростки подходили к Андрею Викторовичу с предложением своей помощи и тут же получали задание, что надо сделать. В таких случаях принято проставляться; и тот пир, который последовал за строительством большого вигвама для гостей из племени Огня, оленихи и их отпрыски не забудут, наверное, никогда. Правда, некоторые мужчины начали ворчать, что, мол, нехорошо, когда женщины помогают в делах чужим мужчинам; но вождь Ксим их успокоил, сказав, что, во-

первых, помогают они не мужчинам, а их женщинам, во-вторых – хоть один день кормить этих дармоедок будем не мы, а кто-то еще; и в-третьих – если кому-то это не нравится, то пусть идет и спорит с главным охотником племени Огня. Но только спорит исключительно за себя, потому что рука у этого человека очень тяжелая – голову оторвет и скажет, что так оно и было.

* * *

16 января 2-го года Миссии. Вторник. После полуночи. Дом на Холме

Последние дни в Доме на Холме прошли тревожно. Главные вожди и весь актив умоляли Бог знает куда на свою Большую охоту, прихватив в том числе и Сергея-младшего. И никто не подумал о том, что его старшей жене Кате скоро рожать. Ох уж эта Катя! Характер у нее продолжал портиться, а сама она по мере протекания беременности становилась все более издерганной и капризной, особенно когда рядом не было ее мужа – даже несмотря на то, что «сестрицы» (остальные жены Сергея) – и темные, и светлые – старались обеспечить ей максимальный комфорт. Серега, бывало, как простой человек, в случае разных запредельных капризов задавал своей благоверной только один вопрос: «А в бубен, Катюха, тебе случаем не дать?» Эта угроза еще ни разу не была исполнена, ибо Сергей удивительным образом сочетал суровый нрав с легким и общительным характером, но Катя в таких случаях обязательно затихала и немного умеряла свои потребности. А потребности у нее были ого-го. И шубка, и шапка, и рукавички; и не такие, как у всех – из кроличьего меха. Ей хотелось из соболя или, в крайнем случае, из чего-нибудь кошачьего, вроде серебристого барса.

Так вот, семейная коллизия Кати заключалась в том, что ее ненаглядный и единственный супруг, как незаменимый помощник Главного охотника, непременно должен был уйти с вождями в дальний поход. И тут уж мало кого волновало, что Катина беременность вышла на финишную прямую, и роды могут случиться в любой момент. При этом, когда она сама просила Сергея-младшего остаться и никуда не ходить, тот только пожал плечами и спросил: «А чем я тебе могу помочь здесь, Катюха? Тут у тебя есть Марина Витальевна, Ляля и Лиза, так что без помощи ты не останешься. А мне надо идти. Ведь ты же хочешь и шубку, и сапожки, и все, все, все, что мы нашьем из тех шкур, которые собираемся добыть?» И ушел.

«А что Марина Витальевна? – с обидой и беспокойством думала девушка, кусая губы, – она сама вон на сносях ходит с огромным животом, будто дирижабль... Ей бы самой кто помог. И Ляля с Лизой тоже не в лучшем состоянии; то есть в лучшем, но ненамного, потому что обе залетели почти сразу после того, как вышли замуж – горячие, блин, детдомовские девки, подруги по несчастью. И мужья у них взрослые, солидные, не то что мой, пацан пацаном, а вид делает, будто крутее некуда. И на девок (другие жены Сергея-младшего) тоже нельзя положиться, ведь они все тут первобытные дикарки и ничего не понимают в настоящей жизни...»

Катя не воспринимала прочих своих собратниц в равном качестве, как это получалось у Ляли с Лизой. Они у нее были на каком-то среднем положении, между назойливой помехой и бесплатной прислугой. Она считала, что Сергей Петрович чуть ли не насильно всучил их ее ненаглядному только для того, чтобы они рожали детей с законным статусом, и ужасно ревновала своего мужа к бедным девушкам. В основном предложения «дать в бубен» поступали от Сергея как раз по этому вопросу, и как раз в те моменты, когда Катя, как говорится, «заплывала за буйки». На самом деле Сергей-младший нежно и трепетно относился ко всем своим женам – и к Кате, и к светлым кроманьонкам-Ланям, и к темным полуафриканкам, имеющим бешеный южный темперамент.

И вот после полуночи, когда на календаре уже было шестнадцатое февраля, Катя неожиданно почувствовала, что отсрочек больше не будет. Схватки шли одна за другой, становясь все болезненней. Катя проклинала все на свете – и тот день, когда забеременела, и себя, и своего бесчувственного мужа, который бросил ее в такой момент ради своих мужских забав. То и дело

она принималась голосить – и тогда сидящие у ее постели «сестрицы» примолкали в священном благоговении. Они-то относились ко всему этому гораздо проще, и не могли понять Катю. Они вообще не могли взять в толк, почему она так переживает из-за отсутствия мужа. Ему-то зачем присутствовать при родах, когда это исключительно женское таинство? В некоторых кланах муж не видел свою благоверную три дня после рождения ребенка, а в некоторых – и целую луну, потому что местные верили, что в этот период женщина должна очиститься перед новой встречей со своим мужчиной и укрепить свои силы.

Схватки усиливались, и в какой-то момент девушка почувствовала, будто внутри нее что-то лопнуло. Тут же на пол хлынули воды. Катя в ужасе застыла, а потом заорала, как пожарная сирена: «Ааа! Да что же это такое?! Да когда же это уже кончится?!» Затем напустилась на товарок: «А вы чего стоите и смотрите? Идите отсюда, видеть вас не могу!». Вскоре Катя почувствовала что-то похожее на позыв испражниться. «Ой, рожая! – в панике заголосила она. – Спасите и помогите! Зовите скорее Марину Витальевну, дубины стоеросовые!».

Самая младшая Серегина жена, полуафриканка Суилэ-Света, накинув на себя только парку, голоногая и босиком, помчалась ставить в известность Мудрую Женщину. Хорошо, что оба семейства обитали на первом этаже. А то пришлось бы решать, что проще – доставить пациентку к врачу, или наоборот; потому что обе они одинаково нетранспортабельны на лестнице. В итоге к роженице пошла все же Марина Витальевна, и для этого ей даже не потребовалась посторонняя помощь, хотя желающих поддержать Мудрую Женщину, когда она идет на помощь своей пациентке, было больше чем достаточно.

Прибыв в комнату, выделенную для семьи Сергея-младшего, женщина тщательно осмотрела роженицу. За исключением панических настроений «Ой, мамочки, я сейчас умру» все у той было хорошо – ребенок был расположен головкой вперед, а довольно широкие бедра молодой девушки облегчали родовой процесс. К тому же организм был молодой, сильный, не истощенный вынужденными голодовками, как у некоторых местных, и не ослабленный никакими хроническими заболеваниями. Поэтому акушерке и ее ассистентке, в роли которых выступали сама фельдшерица и прибежавшая ей на помощь Фэра, оставалось только руководить прочими женами Сергея-младшего, ухаживающими за роженицей и направлять сам процесс родов, который проходил довольно быстро.

Прошло всего два часа с того момента, как Суилэ-Света выскочила за дверь, как ночную тишину разорвал резкий и требовательный крик ребенка, провозглашающего благую весть о своем рождении. И пусть в племени Огня и до этого рождались дети, но этот мальчик был первым, родившимся у женщины, пришедшей из мира будущего, от такого же мужчины. В дальнейшем таких детей должно было появиться достаточно много, но рождение этого, первого, было символичным. Когда Сергей-младший вернется из своего похода, то его будет ждать хороший подарок, потому что хотел он как раз сына.

Катя почувствовала невероятное облегчение, и тут же в ней пробудился сильнейший материнский инстинкт, буквально ошеломивший девушку. Ощущение было похоже на эйфорию, вместе с тем она остро осознавала важность момента. Произошло величайшее таинство – человек родился, ее ребенок, как желанный плод любви ее и ее мужа... И в этот момент Катя готова была обнять весь мир. Она чувствовала, как в одночасье безвозвратно изменилась, исполнив свое великое предназначение – то, ради чего и создала ее природа...

Так она лежала, притихшая, и блаженно улыбалась, а вокруг происходила деловитая суета. Осмотрев ребенка и убедившись, что с ним все в порядке, Марина Витальевна отдала младенца двум следующим по старшинству женам Сергея младшего – Дите и Тате, чтобы те перепеленали его и поднесли матери для кормления. Никаких искусственников в племени Огня быть не могло, и каждая мать сама кормила своих младенцев. Когда новорожденного положили матери на грудь, та с новой силой почувствовала нежность к этому беспомощному родному существу, потребность защищать его и лелеять. Материнская любовь расцветала в

сердце девушки, заставляя ее плакать от доселе неизведанных чувств. «Милый мой, родной, – шептала Катя, глядя на то, как ребенок деловито и сосредоточенно, прикрыв глаза, с чмоканьем вцепился губами в ее сосок, – ты у меня самый родной, вот приедет папка, знаешь, как он тебе обрадуется...».

* * *

18 января 2-го года Миссии. Четверг. Около полудня. Все там же в окрестностях пещеры клана Северных Оленей

Ольга Слепцова

Этот поход на большую охоту с каждым днем открывает передо мной все новые и новые грани – как того многосложного человеческого коллектива, который именуется племенем Огня, так и чисто аборигенных сообществ, которых еще почти не коснулось жаркое дыхание зарождающейся цивилизации. Племя Огня – это сложный многосоставной социальный организм, части которого, плотно пригнанные друг к другу усилиями вождей, уже начали сплавляться в единое нерасторжимое целое. Полуафриканки и кроманьонки из клана Лани, которые первоначально состояли в конфликтных отношениях хищников и жертв, теперь стали друг другу добрыми подружками и собратницами. Я только совсем недавно узнала подробности той трагической истории, в результате которой вожди многократно увеличили численность своего племени, а потом еще и обросли своими разноплеменными гаремами. Взять на перевоспитание бывших людоедок – это же уму непостижимо! Такая дерзость, наверное, могла прийти в головы только русским, которые всех других людей считают априори равными себе.

Бедные полуафриканки (или, как они сами себя называют, «дочери тюленя»)! Сначала их собственные мужчины в голодный год⁶ впали в грех людоедства, начав пожирать не только разных чужаков, но и собственных женщин и детей. В результате вспыхнувших конфликтов с соседями, которые не желали, чтобы их ели, племя «Детей Тюленя» было изгнано со своей родины и направилось на негостеприимный север. А потом «Тюлени» столкнулись с эмигрировавшими в прошлое нашими современниками, которые разгромили их, истребив мужчин и юношей и полностью подчинив себе женщин. Суровые победители приказали им забыть свое прошлое и начать жить новой жизнью, не имеющей ничего общего с тем, как эти женщины жили прежде.

Но я не заметила в них никакой печали – все темнокожие женщины Племени Огня живут полнокровной жизнью, радуясь каждому новому дню и каждому родившемуся ребенку. Да-да, многие из них попали в племя уже беременными, и только одни роды закончились неудачно. Но та история, наверное, и не могла завершиться счастливым концом, потому что забеременевшей в результате жестокого изнасилования одним из своих родственников-людоедов Футирэ-Фриде было всего двенадцать или тринадцать лет. Бедная девочка не перенесла тяжелых родов; правда, извлеченная при помощи кесарева сечения девочка по имени Гаэтано все же осталась жить. Ее взяла на воспитание молодая женщина Туэлэ-Тоня, незадолго до этого родившая мальчика по имени Ален. О бедной юной матери, умершей родами, плакало все племя – вне зависимости от пола, цвета кожи и происхождения. Даже наши французские девочки говорили, что им очень жаль несчастную крошку. Бедный ребенок, который жил без радости в сплошном ужасе людоедского племени и умер на самом пороге счастья, которое должно было принести ей рождение дочери.

⁶ Ольга Слепцова ошибается, переход «тюленей» к людоедству был вызван не каким-то особенно голодным годом, а систематическим истощением доступных им ресурсов тюленей и европейской разновидности пингвинов, которые, по свидетельству, зафиксированных на наскальных рисунках ныне затопленных пещер, обитали тогда в Средиземноморье.

Ну так вот – на фоне того крепко сбитого, дружного коллектива, где мужчины и женщины – русские, французы, Лани и полуафриканки, а теперь еще и волчицы – стеной стояли друг за друга, клан Северного Оленя выглядел, надо сказать, не очень благополучно. Мужчины там, за некоторым исключением, считали своих женщин малополезной обузой, которую держали впроголодь и на приниженном социальном положении. Женщины аборигенов считались способными только на то, чтобы доставить удовольствие мужчинам, на рождение детей, из которых ценились только мальчики, да еще в летний период на сбор дикопроизрастающих корнеплодов и овощей. Еще женщины занимались выхаживанием раненых охотников, но к этому ответственному делу допускались только те, которые сдали определенный жизненный экзамен и получили звание мудрых женщин, то есть равных мужчинам по положению. Такие были даже не в каждом клане, потому что для получения этого звания мало было владеть искусством врачевания, требовалось еще уметь не раздражать вождя, когда он не в духе.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что как только рядом с пещерой Северных Оленей оказался разбит наш лагерь, местные женщины, как мошки на свет, полетели к нашему покрытому шкурой временному жилищу, представлявшему из себя нечто среднее между казахской юртой и чукотской ярангой. В первый день за немудреную помощь в установке этого жилища наши вожди распорядились щедро накормить добровольных помощниц, а потом такие посиделки сделались регулярными. Женщины Северных Оленей любой ценой стремились присоединиться к нашему коллективу, чтобы хоть на какое-то время почувствовать себя полноправными и уважаемыми членами общества.

Я видела, насколько при этом задумчив был вид у нашей главной феминистки. То, что рыжий нахал Гуг сумел затащить ее на свое ложе, еще не значило, что мадмуазель Люси поменяла свое мнение по поводу мужчин – а здесь они, ко всему прочему, представляли перед ней в своем самом неблагоприятном виде, как эгоистичные, жадные, неблагодарные эксплуататоры. Какой контраст с поведением вождей племени Огня, к которому мы все успели привыкнуть. Хорошо хоть Северные Олени не имели привычки приставать к чужим женщинам и не распространяли на них свое скотское поведение. Впрочем, наверное, это потому, что у нашего главного охотника имелась репутация записного убийцы, который чуть ли не в одиночку истребил уже целых два клана.

Говорят, что когда мы только приехали, местный вождь предупредил своих оглоедов, что все неприятности, которые они получают от Андрея Викторовича, задирая нас, любимых, будут на их и только на их совести. Что, мол, он имеет привычку сперва оторвать послушнику голову, а потом задавать этой голове риторические вопросы. Вождям тут положено верить, так что все и в самом деле решили, что наш Главный Охотник такой ужасный. На самом деле совсем нет. Он вполне милый и дружелюбный мужчина, к тому же выглядящий значительно моложе и интереснее Сергея Петровича. Нет, я не влюбилась, просто рано или поздно я решу, что пора выбирать себе мужа, и тогда я выберу этого дерзкого качка с глазами ласкового убийцы. Мне не все равно, от кого рожать, у моих детей должен быть сильный, умный и красивый отец с высоким социальным статусом.

На следующий день после нашего прибытия, когда наш шаман Петрович затеял осмотр пещеры Северных Оленей на предмет установки в ней шахтного крепежа, наш Главный охотник, Сергей-младший и Гуг с самого утра взяли УАЗ и одного из мальчишек-подростков, который даже не считался охотником – и все вместе они поехали за холмы, где уже начиналась тундростепь и паслись стада диких копытных. После некоторой паузы, в полчаса или более (которая, наверное, требовалась для того, чтобы доехать до места и приготовиться к охоте) прозвучало всего два выстрела, после которых наступила тишина. Еще где-то через час охотники вернулись невероятно довольными. Их добычей стали два теленка-подростка и крупный старый самец, которого с большим трудом удалось взгромоздить в кузов машины. Телят Гуг с

Сергеем-младшим убили из арбалета, а старого быка, который решил атаковать чужаков, главный охотник застрелил из винтовки Мосина.

Быка, после того как с него была снята нужная нам шкура, мы отдали на прокорм Северным Оленям, а телят-подростков оставили себе на прокорм. Странный вкус, надо сказать – гибрид бараньего жира с говяжьим мясом, хотя надо сказать, все было очень вкусно. Вождь Северных Оленей тоже устроил для своих большой праздник, на котором посвятили в охотники того пацана, который помогал нашим добыть этих животных. А то как же – такая охота с большой добычей, а один из ее участников даже не охотник... Непорядок. Кроме всего прочего, эта операция по скоротечной предварительной охоте дала понять нашим гостеприимным хозяевам то, что пора прекращать тянуть время, ссылаясь на то, что стада еще не подошли, а требуется выходить в степь и делать дело, потому что время не ждет.

* * *

19 января 2-го года Миссии. Пятница. Около полудня. Все там же в окрестностях пещеры клана Северных Оленей

Поход на Большую охоту начался рано утром, едва утренняя заря окрасила багрянцем горизонт. Охотники Племена Огня поднялись тогда, когда зари не было еще и в помине, и позавтракали вчерашним тушеным мясом. Кроме мужчин в охотничий поход готовились выступить полуафриканки Алохэ-Анна и Таэтэ-Таня, молодая Лань Мита, бывшая французская школьница Патриция Буаселье и, конечно же, медсестра Люся, теперь считающаяся почти законной старшей женой Гуга. Брачный обряд перевязывания рук шаман Петрович пока не проводил, и то только из-за того, что в походе как то неторжественно затевать свадьбу первого помощника Главного Охотника и главной помощницы Мудрой Женщины. Не золотаря, чай, на свинарке женим.

В лагере возле пещеры Северных Оленей на хозяйстве остались Ольга Слепцова, Эва де Вилье и близняшки Паскаль. Они бы тоже пошли, но Эва умудрилась подвернуть ногу, а близнецы Анна и Габриэла были сочтены Андреем Викторовичем непригодными к службе в «первой линии». Проще говоря, при достаточно серьезной опасности они имели свойство впадать в ступор или неконтролируемую панику, зато как хозяйки были просто первоклассные. Комендантом лагеря, естественно, назначили Ольгу Слепцову, как самую старшую из остающейся в лагере команды и имеющую организационный и педагогический опыт.

Оставляя девушек-француженок в лагере, Сергей Петрович и Андрей Викторович искренне надеялись, что все обойдется без каких-либо приключений. Северные Олени тоже оставили в пещере больше половины всех своих женщин вместе с маленькими детьми и прочей обузой, только мешающейся на охоте. Как заверил вождь Ксим, ничего с ними не случится, кроме того, что они побудут недельку без мужского внимания – от этого не умирают. Для пущего самоуспокоения отставной прапорщик оставил каждой девушке по блочному арбалету и посоветовал им в случае нападения хищников бежать в пещеру и защищаться вместе с женщинами Северных Оленей.

Итак, едва заалел горизонт, Андрей Викторович завел свой пепелац (благо газогенератор был раскопчегарен и накормлен чурками еще до завтрака), остальные надели лыжи, после чего к ним присоединились охотники клана Северных Оленей, нацепившие на ноги свои плетеные снегоступы. Кстати, идею лыж Северные Олени оценили весьма высоко, так как те давали более высокую скорость передвижения, чем снегоступы, и требовали меньших усилий. К тому же за счет постоянных смен лидера на лыжне нагрузка между участниками похода распределяется по возможности равномерно⁷.

⁷ При групповом лыжном походе по свежему снегу тяжелее всего приходится тому участнику группы, который идет впе-

Отшагав к обеду километров пятнадцать и поднявшись на гребень одного из холмов водораздельной цепи, путешественники остановились, чтобы сделать небольшой привал, перевести дух и осмотреться. Толщина снежного покрова тут не превышала десяти-пятнадцати сантиметров, поэтому Северные Олени сняли свои снегоступы и убрали их в заспинные мешки. Пригодятся на обратном пути. Охотники клана огня с лыжами расставаться пока не спешили, для лыжного похода снега на промерзшей земле было пока вполне достаточно. Андрей Викторович достал бинокль и осмотрел раскинувшуюся вокруг местность.

Позади, на юге, за их спинами, покрытая присыпанными снегом редкими рошицами лежала долина Дордони. На востоке по-прежнему продолжали куриться вулканы Оверни, а впереди, на севере, постепенно сходящими на нет пологими холмами раскинулись тундростепи долины реки Луары. На той стороне, откуда они пришли, на большом расстоянии друг от друга паслись небольшие группы животных, зато впереди там, где после короткого лета осталось высохшее на корню разнотравье тундростепей, бродили несметные стада бизонов, зубров, овцебыков и северных оленей, а также табуны диких лошадей, так похожих на якутскую породу нашего времени. Этим животным даже не надо было выкапывать сухую траву из-под снега, настолько тонок был его слой.

Опустив бинокль, Главный Охотник племени Огня повернулся к Верховному Шаману.

– Если бы не снег и холод, – сказал он, – то можно было бы подумать, что это Африка, а не ледниковая Европа. Там, в саваннах, такие же стада из зебр, антилоп и прочих буйволов. Но раз здесь есть такое большое количество травоядных, то должны быть и хозяева этих мест, я имею в виду таких милых зверушек, как пещерные львы. Так что всем смотреть в оба и соблюдать осторожность, от группы не отходить даже для того, чтобы просто посрать. Жизнь – она важнее смущения.

* * *

Тогда же и там же

Люси д'Аркур – медсестра, свободная женщина и уже почти не феминистка

Нет, мне решительно не нравится, как все смотрят на меня. Словно я уже замужем за этим мальчишкой. Они что, действительно не сомневаются, что после той ночи я по умолчанию стала его женщиной, и уже как бы не совсем свободна? А он-то, он... Раздувается от гордости, как индюк. Этак по-хозяйски на меня посматривает, нет-нет приобнимет... Просто безобразие. Да какого черта? Если я переспала с ним, это еще абсолютно ничего не значит. Правда, секс был отличным. Первобытный красавчик оказался сладким мальчиком... А ведь там, дома, я избегала подобных связей – ну, в смысле, с юношами до двадцати лет.

И вдруг я вспомнила, как однажды мне довелось случайно подслушать разговор своих учеников.

«Эй, кто знает, почему она такая сука?» – спрашивал шестнадцатилетний Луи, которому я только что влепила самый низкий балл.

«Да вдуть ей надо как следует, тогда точно пообреет!» – отвечал кто-то из его приятелей.

«Ты думаешь?»

«Конечно! Что, попробуешь?»

«Не... подкатить к ней – это же все равно что попытаться приласкать дикую кошку...»

реди и кладет лыжню, а всем остальным, идущим по его следам, приходится значительно легче. Для того чтобы равномерней распределить нагрузку, опытные путешественники делают так – когда лидер устает, он сходит с пути, уступая право прокладывать лыжню второму номеру, который в этот момент становится первым, а сам ждет, пока мимо него не пройдет вся группа, после чего он пристраивается ей в хвост на накатанную лыжню. Когда устанет следующий лидер, он точно так же уступит место следующему за ним участнику группы, а сам пристраивается ей в хвост. Круговорот лидеров осуществляется так до бесконечности, пока не настанет время привала или пока команда путешественников не доберется до назначенного места.

«Ха-ха, Луи, это ты верно подметил – она похожа на кошку... Вот и сделай из нее ласковую кису. Оттрахай ее как следует – соверши благое дело ради всех нас! Не такая уж она и страшная!»

«Да-да, Луи! – поддержал еще кто-то, – ножки у нее – высший класс! Я бы вдул!»

Тогда я просто задохнулась от возмущения и принялась с удвоенной энергией травить несчастного Луи. Даже сама себе не могла объяснить, зачем я это делаю. Я возненавидела всю эту компанию, которая разговаривала обо мне в таком неуважительном ключе. Всем им по возможности я старалась испортить жизнь.

Почему я это делала? Неужели мальчишки были близки к правде? Мне всегда нравился хороший секс, правда, подруги-феминистки говорили, что не следует придавать ему слишком много значения, иначе можно снова легко попасть в плен гендерного неравенства.

Так вот я и не придаю. Но почему же все мое тело поет? Почему мне так легко идти, словно за спиной выросли крылья? Почему я ощущаю эйфорию, сбить которую не может ничто? Почему при воспоминании о бурной ночи с необузданным дикарем по моему телу пробегает сладкая дрожь?

Впрочем, это означает лишь то, что мой организм получил то, что ему было необходимо. Но ему, этому организму, вовсе не необходимо связывать себя узами брака... Все-таки я еще не готова. То есть я вряд ли вообще когда-либо буду готова... Мне нравится быть одной, а еще моей натуре претит институт многоженства. Но ведь когда-нибудь мне захочется повторить эту ночь. Но тогда я, как честная девушка, должна буду выйти замуж... Такие уж правила в этом племени. Вот так – дала один раз слабину, теперь приходится расхлебывать...

Впрочем, никто не сможет принудить меня к чему-то. Пожалуй, с Гугом можно и повторить... Не потащат же они меня силком под венец... А вообще ситуация получается юмористическая – там, в нашем мире, погрязшем в патриархате, именно юным девушкам свойственно ожидать, что парень женится на них после секса. А этот гипотетический парень рассуждает точно таким же образом, что и я сейчас. Ха-ха-ха!

* * *

20 января 2-го года Миссии. Суббота. Утро. Тундростепи примерно в 40 километрах к северу от пещеры клана Северных Оленей, окрестности озера Этан де Съе

Сводный охотничий отряд двигался на север. По мере их продвижения снежный покров становился все тоньше, а стада многочисленнее – не зная забот, паслись они в холмистой тундростепи. Водораздельные холмы остались позади, а охотники все шли и шли вперед в поисках места, удобного для загонной охоты. Им нужна была узкая расщелина между двумя крутыми холмами, горловину которой легко возможно перекрыть с помощью баррикады из подручных материалов. Также подошел бы такой рельеф, где сходящиеся под прямым углом овраги отличаются крутыми склонами.

В первом варианте загонщики направляют стадо в эту горловину, а охотники поражают животных метательными копьями со склонов холмов. Во втором – охотники просто гонят стадо в этот угол двух оврагов, в результате чего животные падают с обрыва и ломают себе кости. Есть, правда, еще и третий способ, когда пришедшее на водопой стадо по возможности загоняется в широкое устье выходящего к реке оврага – и после этого охота протекает по первому варианту.

Способ со сбрасыванием животных с обрыва категорически не понравился вождям племени Огня. Шли они в этот поход за шкурами и родившимся этой весной молодняком будущего домашнего скота, уже перешедшим на подножный корм. Если шкуры таким образом добыть

возможно, причем почти без расхода патронов, то телята, жеребята и прочие козлята⁸ при такой варварской операции погибнут в стаде или табуне первыми. Так что на этом варианте был поставлен крест, хотя для клана Северных Оленей такой способ считался одним из самых предпочтительных. Для них вопрос заключался только в достаточном количестве загонщиков, вооруженных факелами и дымящимися головнями – это позволит погнать в ловушку большое стадо животных, чтобы потом, добыв много мяса, устроить праздник и обожраться на разрыв живота⁹.

Способ охоты с УАЗа, первоначально предложенный оставшимся дома Антоном Игоревичем и поддержанный Сергеем Викторовичем (согласно которому охотники должны были подъезжать к стаду, арканить молодняк и отстреливать старых животных), тоже был признан не соответствующим данной местности. В этих краях по склонам холмов следует ездить с чрезвычайной осторожностью, иначе есть шанс кувыркнуться через голову, разбить машину и убится самому. К тому же процесс чреват большими затратами времени и боеприпасов, и не гарантирует достаточного количества добычи.

Дойдя до озера, в нашем времени носящего название Этан де Съе, охотники разбили лагерь, поставив походные шалаши-типы – жерди и шкуры для этих временных жилищ они везли в прицепе-волокуше УАЗа. После чего, наскоро приготовив еду и поужинав, легли спать. Следующим утром предстояло принять решение, охотиться им здесь или двигаться дальше.

Ночь прошла относительно спокойно, если не считать того, что где-то по соседству на охоту вышла стая степных волков, решивших, что они достаточно круты, чтобы взять дань с пасущегося неподалеку стада северных оленей. К людям серые хищники не полезли. Вероятно, их смущал костер, но и без костра им не хватило бы смелости связываться с большой группой людей, сопровождаемых собаками. Они уже успели усвоить премудрость, что один человек в степи – это добыча, а сплоченный охотничий отряд – величайшая опасность. Если кто хочет стать воротником – подходи по одному.

Утром, после некоторых размышлений, вожди решили, что попробуют поохотиться в окрестностях замерзшего озера, тем более что в трех километрах к северу от места их нынешней стоянки, по данным вождя Ксима, имелось место, идеально подходящее для поставленных целей. Это был V-образный холм с достаточно крутыми каменистыми склонами и вытянувшейся с запада на восток тупиковой внутренней долиной километровой длины – вход в нее имел метров пятьсот ширины и легко перекрывался цепью загонщиков. Самое оно, чтобы загнать туда пасущееся неподалеку стадо бизонов и бить их на выбор.

– Отлично, это то, что надо, – кивнул главный охотник племени Огня, переглянувшись с вождем Ксимом. – Ну что, коллеги, по коням и вперед. И да помогут нам духи Удачной Охоты!

– Что значит «по коням»? – спросил Ксим, выслушав перевод Миты. – Мой язык тебя не понимает.

– Это значит, – ответил Андрей Викторович, – что по всем правилам на такие дела положено выезжать верхом на лошадях. Такой способ даст загонщикам преимущество в подвижности перед бизонами.

– Понимаю, – кивнул вождь Ксим, – но у нас нет, этих, как его, коней. Да и у вас только одна лошадь, и я еще ни разу не видел, чтобы кто-нибудь сажился ей на спину.

⁸ Овцебыки – это ближайшие родственники коз, а не коров.

⁹ Представление о том, что первобытные люди каменного века устраивали большие охоты только ради пары дней обжорства, в корне неверно. Большая часть добычи обязательно консервировалась следующим образом – нарезанное на тонкие ленты мясо вялилось про запас. Но и праздник по поводу удачной охоты тоже имел свое место. Во-первых – свежее мясо не сравнится по вкусу с вялым. Во-вторых – если вы опрокинули в овраг стадо бизонов в три-четыре десятка голов, то почему бы вам не отметить это дело, выделив для праздника две-три головы. В-третьих – такого рода мероприятия играют в первобытном обществе (да и не только в нем) важную социальную роль, сплачивая коллектив и давая вождю возможность морально поощрить отдельных его членов, которых он считает наиболее полезными.

– Вот именно, – подтвердил вождь, – поэтому-то мы и здесь. У нас должно быть много-много коней, быков и овцебыков, необходимых для ведения нормального хозяйства, и поэтому в этом походе нам предстоит наловить большое количество детенышей – через пару лет из них вырастут сильные животные, которые будут служить нам, как будто они родились в нашем клане. Впрочем, лошадей, особенно кобыл, можно ловить и взрослыми – если ты будешь достаточно дружелюбным, то они скоро забудут, что попали в плен, и признают тебя своим вождем.

– Понятно, – почесал затылок глава Северных Оленей, – а можно нам тоже поймать нескольких коней?

– Можно, – вместо главного охотника согласился шаман Петрович, – только поручи их женщинам и мальчишкам, которые еще не стали охотниками. Тогда взрослые мужчины не будут ворчать на тебя, что ты заставляешь их заниматься ерундой, а мальчишки смогут как следует привыкнуть к лошадям – и через несколько лет в твоём клане появятся Мужчины, Которые Охотятся Верхом. И тогда голод навсегда отступит от вашего порога.

– Хорошо бы, – вздохнул Ксим, – но что будет, если после меня вождем станет какой-нибудь глупец, который запретит все это баловство?

– Тогда, – ответил Петрович, – лучшая часть твоего клана волеется в племя Огня, а худшая быстро переселится в страну мертвых. Переводи громко, Мита, пусть слышат все! И не говори мне, Ксим, что вон тот дуболом, с маленькими свинячьими глазками, который так злобно смотрит на то, как мы разговариваем, вместе со своими прихвостнями запретят женщинам и подросткам уходить из пещеры вашего клана. Весной мы снова придем сюда за белой глиной на своем корабле и проверим, как идут дела. И, не дай дух Огня, если к тому времени ты уже не будешь вождем – тогда я разрешу нашему главному охотнику сделать с этими оглоедами то же, что он сделал с кланом темнокожих людоедов и кланом нахальных Волков. Понятно?

– Понятно, мой друг шаман Петрович, – громко ответил Ксим и уже тише добавил, – это была по-настоящему сильная поддержка. Теперь, как ты его назвал, дуболом Огр будет вести себя тихо и перестанет подстрекать против меня поклонников своей силы. Он хоть и дурак, но понимает, что против человека, в одиночку истребившего мужчин целых двух кланов, у него нет ни одного шанса.

Андрей Викторович смерил взглядом своего потенциального противника и презрительно сплюнул на снег. Мол, видали мы шкафы и покрупнее.

– Тьфу ты, еще и Огр, – сказал он. – У него нет ни одного шанса даже против малыша Гуга, который получил мою выучку, но пока не вошел полную силу. Для победы мало иметь огромные мышцы, нужны еще ум и ловкость – а вот этого у вашего Огра как не было, так и нет. Короче, завязываем с этим разговором, время не ждет, собрались и вперед – за добычей.

* * *

20 января 2-го года Миссии. Суббота. Полдень. Тундростепи, два километра к северу от озера Этан де Съе

Охота прошла успешно. Часть охотников, которая была вооружена арбалетами и огнестрельным оружием, обошла стадо по большой дуге и заняли позиции на склонах того самого V-образного холма, а остальные, в основном женщины и мальчишки-подростки Северных Оленей, при силовой поддержке части настоящих охотников, вытянулись в цепочку, охватывая бизонов полукругом. Возглавлявший загонщиков вождь Ксим смочил слюной палец и подставил его ветру, после чего радостно осклабился. Ветер был западный с небольшим уходом к югу, и это было как раз то, что надо. По его знаку загонщики остановились и при помощи роговых курительниц, в которых хранились взятые от лагерного костра угли, принялись разжигать от них их приготовленные заранее огромные пучки чуть влажной степной травы, плотно смотан-

ные в жгуты. Стоит сунуть такой жгут в полый рог, наполненный тлеющими углями, а потом хорошенько раздуть, как он превращается в первобытный аналог дымовой шашки.

Стадо бизонов в тундростепи боится только трех вещей: взбесившегося мамонта, охотящегося прайда пещерных львов и степного пожара, причем последний страх – самый сильный. Стоит хотя бы чуть-чуть потянуть дымком, как животные сразу бросают все свои дела и начинают принюхиваться – где это там горит? А горит это, как правило, потому, что подожгли люди, и особенно часто такое случается зимой. Поэтому при приближении людей мирно пасшееся стадо заволновалось. Коровы с телятами отступили в середину, а собравшиеся по краям быки развернулись рогами в сторону предполагаемой угрозы и начали встревоженно принюхиваться к доносящимся с той стороны запахам. Бизоны ждали нападения только в том случае, если назойливые двуногие приблизятся на дистанцию прямого удара копьём, а они пока были в несколько раз дальше. Ну не изобретены тут еще ни копьеметалка, ни лук, ни тем более тяжелый арбалет-гастрофет, а камни, пущенные из пращи, для быка не более чем досадная неприятность.

Но вот отчетливый аромат дымка, доносящийся со стороны вытянувшихся в живую цепь людей, приводит животных в беспокойство, а те, не приближаясь, начинают кричать, улюлюкать, подпрыгивать на месте и крутить в воздухе свои импровизированные дымовые шашки, отчего те испускают струи плотного белого дыма. Ветер сносит этот дым в сторону стада, и животные приходят в состояние неуправляемой паники. Как уже писалось выше, степной пожар – это самый страшный враг бизонов, и поэтому те, развернувшись, кидаются наутек, по пятам преследуемые дымом, а также визжащими и улюлюкающими загонщиками, которые для усиления эффекта щелкают деревянными кастаньетами и бьют в кожаные бубны. Бежать тут было совсем недалеко, быть может, чуть больше километра, а свернуть стаду в стороны не давали загонщики, охватившие его полукольцом.

Естественно, при такой гонке, когда животные мчат гурьбой куда смотрят их глаза, не разбирая дороги, первыми начинают отставать телята, родившиеся прошлой весной, то есть восемь-девять месяцев назад. Их, выбившихся из сил, ловили живьем при помощи ременных лассо, валили на землю и спутывали ноги кожаными ремнями. Правда, некоторым и них не повезло, и они, затоптанные взрослыми животными, остались лежать на припорошенной инеем пожухлой траве. Тем временем голова стада вошла в узкую долину, окаймленную росшим на нижней части склонов колючим кустарником и пошла дальше, не имея возможности никуда свернуть, ибо сходящиеся углом гребни возвышались над дном долины на высоту двадцати пяти этажей, а крутизна склонов в среднем составляла сорок градусов. Тропа, ведущая на выход из долины, располагалась в самом конце, у вершины буквы V, там, где сходились два гребня. Подъем там был тоже крут, в среднем семнадцать градусов, но эту крутизну бизоны хотя бы могли преодолеть. Кстати, долина бизонам было хорошо знакома. Когда с далекого ледника дул свирепый северный ветер, они частенько укрывались в этой долине от его жестокого дыхания. Но на этот раз все было совсем не так.

Позади них продолжали греметь и дымить загонщики, не давая утихнуть панике, а впереди и по бокам нарисовалась новая опасность в виде фигур, вооруженных копьями охотников, которые перекрывали выход из долины. Уставшие животные должны были, спотыкаясь, идти вверх по крутому склону, не имея сил броситься вперед всей массой и затоптать докучливых двуногих, а охотники наносили им удары своими копьями, в случае необходимости легко увертываясь от неуклюжих движений утомленных животных. И хоть самцы бизонов, которые шли в первых рядах, обладали живым весом больше тонны и чудовищной силой, но на крутом подъеме их масса работала против них самих, сковывая движения и вызывая преждевременное утомление. Вот под ударами копий упал один бык, второй, третий, четвертый – и на достаточно узкой тропе начала расти баррикада из бычьих туш.

Охота пошла пусть и не так легко, когда стадо животных гонят к какому-нибудь обрыву, оврагу или пропасти, но и не так тяжело, когда в голой степи охотники буквально вынуждены плясать вокруг животных, нанося им удары своими копьями. Видя это, охотники клана Северного Оленя впали в благородный охотничий азарт, стремясь убить как можно больше животных и теряя осторожность. А вот тут, хотя Великий Дух и миловал безбашенных удалцов, до беды было недалеко. Трагедия могла произойти позже и по иной причине, но никто из Северных Оленей не будет сомневаться, что это такая плата за удачу, а некоторые считали, что это сама удача и есть. Но об этом позже.

Петрович с «мосиным», Андрей Викторович с СКС, а также их помощник Сергей-младший с «Сайгой» заняли позиции на фланге, облюбовав уступ на склоне холма, с которого животных очень удобно было бить в левый бок. Да и дистанция от этого выступа до бредущего по тропе стада составляла всего-то пятьдесят метров. Арбалетчики, обосновавшиеся по соседству на каменном выступе, дистанцию до цели имели всего тридцать метров. Правда, такие замечательные стрелы из охотничьих арбалетов не могли уложить быка попаданием под лопатку¹⁰, и поэтому Роланд и его друзья целились бизонам в мягкое брюхо, и, как правило, четырехлезвийные наконечники оправдывали свое предназначение вызывать обильное кровотечение и быструю, относительно безболезненную смерть жертвы.

В скором времени тропа оказалась наглухо забаррикадирована тушами убитых животных, а ведь это была только часть стада, не больше трети или четверти. Остальные бизоны отпрянули от этого места массового избиения и попытались прорваться обратно в степь, но были отогнаны криками, шумом и дымовыми шашками. Некоторые попытались вскарабкаться по поросшим кустарником крутым склонам, но срывались вниз. Охотники, оставшиеся в своей засаде в конце долины не у дел, собрались и по узкой звериной тропе буквально побежали к противоположному концу долины, чтобы, подкрепив загонщиков, войти вместе с ними в долину и полностью уничтожить еще живых членов стада.

И вот тут, то ли вследствие общей торопливости, то ли особой несчастливицы и неуклюжести, конкурент вождя Ксима, здоровяк Огр, оступился на осыпавшейся под ногами звериной тропе и кубарем полетел вниз – туда, где металась перепуганные и разъяренные быки и коровы. Вожди клана Огня, конечно, немедленно стали стрелять, прикрывая упавшего. Они уложили на ближних подступах не менее двух десятков животных, но все равно бизоны сумели как следует помять Огра, да так, что тот был ни жив, ни мертв. Мадмуазель Люся, которая без пяти минут мадам Гуг, осмотрела потерпевшего когда его вытащили наверх и только пожала плечами. Медицина тут была бессильна. Этот Огр был все жив, но это было ненадолго. Многочисленные внутренние повреждения, разрывы брюшной полости и переломы костей не оставляли ему ни одного шанса. Еще бы, когда несколько осатаневших от ярости коров топчутся своими копытами по человеческой тушке, то каким бы крутым качком тот ни был, конец будет однозначным и очень печальным. Не стоило тратить на раненого и так небольшой запас медикаментов. Единственно, что стоило сделать, так это заварить ему маковой соломки¹¹, чтобы кончина его была по возможности безболезненной, что и было сделано со всем тщанием.

Бедняга Огр, отошедший в иной мир без лишних мучений, был единственной жертвой этой охоты, все остальные охотники не были даже поцарапаны, и теперь вместе с загонщиками добивали остатки бизоньего стада. Охота, можно сказать, была закончена, и пришло время заняться разделкой туш и приборкой территории, чтобы потом на этом же месте когда-нибудь провести еще одну охоту.

¹⁰ Для этого требуется боевой средневековый арбалет/самострел, энергетика которого примерно в четыре раза выше, и цельнокованные металлические болты.

¹¹ Опийный мак сейчас растение высокогорное, а в те времена вполне мог по дикому произрастать в тундростепях и использоваться Мудрыми женщинами наших предков как естественный анальгетик.

* * *

Тогда же и там же

Люси д`Аркур – медсестра, свободная женщина и уже почти не феминистка

Ну вот, жизнь мою теперь точно не назовешь монотонной. Уже второй раз я участвую в охоте. Правда, в качестве наблюдателя, но это ничего не меняет. Да, черт побери, вынуждена признать, что я даже стала находить в этом какой-то кураж. Поначалу было несколько странно и непривычно ощущать этакое раздвоение личности – одна половина меня с ужасом наблюдает за избиением несчастных, ни в чем не повинных животных, а другая – ликует и наслаждается. Вокруг меня атмосфера азарта и опасности, я слышу резкие крики загонщиков, хрипы раненых бизонов, обоняю запах крови – такой сладковатый и возбуждающий, от которого во мне поднимается что-то такое темное, древнее, от чего мне хочется кричать и прыгать в пароксизме первобытного восторга и чувства сопричастности к происходящему... У меня даже учащается пульс, и кажется, будто я выпила хорошего старого вина – о, это упоение охотой, ни с чем не сравнимое! Ты ли это, Люси д`Аркур? В такие минуты, как сейчас, я начинаю думать, что мне несказанно повезло. Что я поймала за хвост редкую удачу, предоставившую мне возможность испытать то, что никогда, никогда не могла бы я испытать в том, нашем, пресном и скучном мире. В такие минуты тот мир представлялся мне аквариумом, в котором меланхолично плавают сонные рыбы, занятые своей неспешной мелкой суетой, не подозревающие, что можно жить вот так – дыша полной грудью, пропуская через себя мощный пульс жизни и каждую секунду осознавая величие Божьего замысла... Есть ли что-нибудь прекрасней этого? Что бы я ответила, если бы мне предложили вернуться в двадцать первый век? «НИКОГДА, лучше умереть...»

Теперь я уже вполне отчетливо стала понимать, что очень долгое время была не в ладу с собой, и что только теперь моя личность начала возвращаться к гармоничной изначальности. Я словно встретила ту маленькую девочку, которой была когда-то – открытую, верящую во все хорошее и доверяющую миру – и полюбила ее. И когда я ее полюбила, то моя любовь чудесным образом охватила все вокруг и преобразила действительность. Ее отражали ночные звезды, искрящийся снег, стены нашего дома и глаза людей, которые составляли одну со мной семью – людей, к которым я относилась прежде с предубеждением и откровенной неприязнью. И вместо холода и отстранения, которые раньше я обычно чувствовала к людям, в моей груди теперь жило что-то теплое и светлое. И мой маленький Друг, что когда-то спас меня от убийственного одиночества, грелся у моего сердца и сладко мурлыкал, словно верный хранитель моей перерожденной души...

Я очень надеялась, что моя медицинская помощь окажется невостребованной, как и в прошлый раз. Я стояла рядом с Петровичем, среди стрелков. Это были в основном наши французские дети. Украдкой я наблюдала за ними. Да, они тоже сильно изменились с тех пор, как впервые ступили на эту девственную землю. Что примечательно – я уже не воспринимала их как детей, называя их этим словом чисто условно. Это были уже вполне зрелые граждане Племена Огня – возмужавшие, повзрослевшие, закаленные в суровых условиях. Все они тянулись к русским вождям, принимая их за эталон, к которому следует стремиться. И это было правильным побуждением. Отношения между ними также вышли на какой-то другой уровень. Теперь они проявляли больше коммуникабельности и взаимосвязанности. Молодежь... Она всегда хочет романтики. Она выходит на баррикады, с огоньком и задором участвует в митингах протеста, порой выливающих в разнузданные погромы... История Франция помнит много подобных фактов. Но чаще всего мнимый героизм оборачивается обычным хулиганством, и а романтика угасает в сердцах, оставляя у некоторых, особо эмоциональных, лишь слабый отблеск...

Как хорошо, что все они такие молодые, что разум их не закоснел в навязанных догмах! Это возраст, когда легко приспособиться к любым условиям. Думаю, что, попади я сюда лет в семнадцать – мне не пришлось бы переживать такую тяжкую ломку...

Такие мысли проносились в моей голове в то время, когда вокруг происходило кровавое и весьма динамичное действие, следить за которым я не забывала – наоборот, мои умозаключения проходили его фоном. Вокруг меня раздавались выстрелы – возбужденные стрелки при каждом попадании удовлетворенно кивали или шептали: «Есть!» Их лица разругались, ноздри трепетали от охотничьего азарта. Вот он – древний инстинкт выживания, заглушенный цивилизацией, и лишь иногда принимающий в нашем мире извращенные формы. Извращенные потому, что в двадцать первом веке, в прогрессивных странах, где нет и не может быть голода, животных убивают только ради развлечения! И порой платят за эту забаву деньги.

Но здесь это – необходимость, связанная с риском для жизни. и я ловлю себя на том, что губы мои шепчут молитву о том, чтобы с охотниками – теми, что орудуют своими копьями – ничего не случилось. Да-да – я переживаю как за своего молодого бойфренда, так и за совершенно мне незнакомых мужчин из клана Северных Оленей, ведь они тоже героически сражаются с обезумевшими животными, проявляя чудеса ловкости и отваги.

Вот узкая тропа оказывается завалена мертвыми и умирающими животными – и те в припадке бешенства и паники мчат назад, шумно дыша и отбрасывая из-под копыт комья свалывшегося снега. Копьеметальщики тоже разворачивают направление своей деятельности и с криками преследуют убегающих бизонов, ловко передвигаясь по узкой тропке над расщелиной. И вдруг один из смельчаков поскользывается... По рядам стрелков проносится дружный выдох: «Ахх...» – и все (в том числе и я), замерев на мгновение, наблюдают за тем, как тело неудачливого охотника скатывается прямо под копыта обезумевшему стаду... Петрович кричит: «Стреляй!!!» и начинает яростно палить в бизонов, стараясь отогнать их от места падения туземца. Остальные стрелки следуют его примеру. Они обеспокоены, они хмурятся и тяжело дышат от напряжения, но мне уже совершенно очевидно, что все их усилия спасти того человека напрасны. Наверняка у него раздроблены все кости, и теперь самое лучшее, что может его ожидать – это быстрая смерть...

Вскоре все закончилось. Охотники, разгоряченные нелегкой схваткой, отирали пот со лба. Конечно же, пострадавший мгновенно был окружен толпой людей. Всем было очевидно, что он не жилец, но все же для проформы я подошла и осмотрела его. Это был весьма яркий экземпляр кроманьонской породы – здоровяк с низким лбом, толстыми губами и тяжелым подбородком. Малосимпатичный при жизни экземпляр (я вспомнила, что уже видела его, когда он злобно косился на Петровича шептался с кем-то из своих приятелей), но теперь, умирающий, он вызывал во мне сострадание. Вспомнилось чье-то изречение, что смерть уравнивает всех... Действительно, в этот момент не имело значения, был умирающий злым или добрым, умным или глупым. Сейчас он представлял собой комок страдающей плоти... И то, что этот человек переживал последние минуты своей жизни, вызывало некий трепет. В глазах туземца стояла мольба и какое-то недоумение, с уголка рта стекала струйка крови, из раздавленной грудной клетки доносились хрипы. С молчаливого одобрения Петровича я дала ему опийной настойки, и вскоре страдания несчастного поутихли, он прикрыл глаза, и минут чрез десять душа его отлетела в мир иной...

Я все еще стояла над телом погибшего туземца, погруженная в философские размышления о превратностях судьбы, когда внезапно меня сзади обняли чьи-то руки. Уверенно так, по-хозяйски; и, если бы объятия не были такими крепкими, я бы тут же развернулась и, не разбирая, что за нахал позволил себе такую вольность, вlepила бы ему пощечину, будь даже это сам малыш Гуг, потому что нечего так бесшумно подкрадываться...

Конечно же, это оказался именно он, мой юный «жених». Я поняла это даже прежде, чем смогла оглянуться – узнала его по манере тереться щекой о мою голову. Она, эта голова, была

хоть и в шапке, а все ж я почувствовала этот игривый жест. Когда юноша узрел мое недовольное лицо (мне стоило некоторых усилий сделать такое выражение, чтобы он много о себе не воображал), его это ни капли не смутило. Напротив, он теперь еще и к моему лицу потянулся, чтобы потереться носами... Смешной дикареньш... Наверное, поцелуй в губы кажется ему слишком откровенной лаской, хотя мне хотелось бы именно этого... Возбуждает меня этот нахальный мальчишка просто до невозможности! И сама на себя злюсь за это, а реакцию своего тела контролировать не в силах.

До сих пор с улыбкой вспоминаю, в какой шок его поверг поцелуй в губы, когда у нас состоялась та, первая ночь. Он сначала аж отпрянул от меня в испуге, но меня это не остановило, так я интуитивно чувствовала, что просто для него это непривычно, и дело вовсе не в том, что ему противно или религия не позволяет. Скорее всего, ему просто представилось, что я хочу его съесть... Но я снова и снова нежно целовала его теплые сочные губы – сначала осторожно, чтобы он привык и расслабился, затем все смелее. При этом мне было немного смешно – ну точно робкий подросток, которого учить и учить! И желание мое становилось просто умопомрачительным от этой его неопытности в плане прелюдии. Тогда я подумала – да неужели эти дикари не придают никакого значения предварительным ласкам? Собственно, вопрос этот так и остался открытым – ведь, насколько мне известно, многие горячие юноши, независимо от уровня цивилизации, ведут себя точно таким же образом...

Но все же из меня вышла хорошая учительница (не секс-инструктором же себя называть). Мальчик быстро просек, что мне нравятся поглаживания, прикосновения, нежность и внимание. Да, но не так же неожиданно! Впрочем, я совершенно не злилась на него. Я с удовольствием потерлась своим носом о его, а затем резко обхватила его голову обеими руками и, как выражаются в дешевых романах, «впила в его губы страстным поцелуем». Он по первости слегка обалдел и даже замычал, предпринимая слабые попытки высвободиться из моих цепких лапок, но не тут-то было! Я держала его крепко. Видимо, до него дошло (умный ведь, зараза!), что он будет выглядеть крайне нелепо, если продолжит трепыхаться, и он оставил свои старания. Более того, его губы осмелели и теперь уже он завладел инициативой. Даже сквозь парку я ощущала жар его тела; мое дыхание участилось и я еле сдерживалась от того, чтобы не застонать от сладостной истомы. Он целовал меня! Жадно, хищно – так, как я мечтала. И желание захватило меня, как стремительная лавина – этот мальчишка сводил меня с ума; я забыла, где нахожусь, и для меня существовал только он, мой любимый дикарь, и его сладкие губы, что дарили мне несказанное наслаждение...

Так мы и стояли, беззастенчиво целуясь, прямо возле мертвого тела. Наверное, в своем мире я сочла бы это не слишком этичным, но тут, где любовь, смерть, страсть приобретают совсем другое значение, я даже не задумывалась о моральных аспектах такого рода ситуаций.

– Кхм... – раздалось рядом многозначительное покашливание – и мы тут же очнулись, оторвавшись друг от друга и пошатываясь от обуревающей нас страсти.

Деликатный звук произвел Петрович – так он хотел побудить нас к тому, чтобы мы помогли с уборкой этого места. Русский вождь ничего не сказал, лишь одарил нас насмешливо-одобрительным взглядом, после чего кивком головы указал на людей, которые уже суетились с ножами возле громоздящихся на тропе туш, в то время как другие собирали свои копыя.

* * *

22 января 2-го года Миссии. Понедельник. Полдень. Все там же, тундростепи, два километра к северу от озера Этан де Съе

Два дня прошло с тех пор, как охотники взяли в расщелине между холмов стадо бизонов. И все это время было посвящено не новой охоте, а усилиям сохранить добытое от разных хищных любителей халявы, которых в зимней тундростепи оказалось предостаточно. Некоторое

количество запасенного мяса оказалось погрызенным, но и налетчики тоже заплатили налог своими шкурами на шапки и унты, и счет оказался отнюдь не в их пользу. Покушались волки и на наловленных на развод телят бизонов, но и их удалось сохранить почти в полной целости и сохранности, отделавшись потерей только одного бычка, оторвавшегося с привязи и ставшего добычей серых хищников.

Для Северных Оленей результат этой охоты оказался впечатляющим, даже на фоне их предыдущего опыта по сбрасыванию животных в обрывистые овраги. Во-первых, сброшенных в овраг быков и коров надо еще отстоять от падальщиков (а среди них может оказаться и пещерный лев), разделать (что каменным инструментом не так просто), вытащить наверх, и лишь потом на руках отнести к себе в стойбище. Десять взрослых охотников, даже навьючившись как спецназ на тропе войны, способны за раз отнести домой не более чем мясо двух-трех животных, и дорога туда и обратно займет у них четыре-пять дней.

На это раз все было иначе. Во-первых, не было нужды разделять животных на дне оврага и вытаскивать их наверх, что очень утомительно. Во-вторых – разделка стальным инструментом – ножом, топором и пилой – это в несколько раз быстрее и легче, чем работа с каменными ножами и скребками. В-третьих – вывоз добычи осуществлялся на УАЗе с прицепом-волокушей, и за световой день успевали сделать рейс туда и обратно с мясом пяти-шести животных (и то на перевозку всей добычи потребуется больше недели). В-четвертых – пещерные львы предпочли оставить охотников покое после того, как Андрей Викторович застрелил из винтовки «Мосина» старого самца, который по глупости пришел предьявить свои права на чужую добычу. Полуоболочечная охотничья оказалась смертельна и для нынешнего царя зверей, особенно с учетом того, что попала она прямо в голову. Андрей Викторович потом сказал, что он специально целился льву прямо между глаз, чтобы король тундростепи не испытывал лишних мучений.

Кстати, по поводу убийства извечного врага человеков Пещерного льва Северные Олени устроили большой праздник, на котором решили, что теперь их клан продолжит жить на прежнем месте, но как составная часть войдет в племя Огня и, соответственно, вожди и шаман племени вполне официально удостоились эпитета «Великий». Великий охотник, Великий шаман... а вот Мудрые женщины не бывают Великими, и по этому поводу у Сергея Петровича печаль. Если Северные Олени начнут слушаться Марину Витальевну так же хорошо, как его самого и Андрея Викторовича, то от этого для них может проистечь много хорошего; уж болеть и умирать они точно станут реже.

Кстати, он сам, как Великий Шаман, вместо Витальевны наложил табу на мясо волков, убитых во время отражения их грабительских набегов. Кроме всего прочего, волки являются падальщиками, а значит, и переносчиками такой мерзкой болезни как трихиниллез, а в полевых условиях проваривать мясо сутки, как на тушенку, нет никакой возможности. Между прочим, нескольких волков добыл и сам Сергей Петрович, когда вместе с Сергеем-младшим и Оливье Жонсьером отвозил мясо к пещере Северных Оленей; досталось добычи и на долю молодых парней, стрелявших из арбалетов. Уж слишком голодны были серые хищники и слишком настырно они лезли за чужой добычей. Но тут уж, как говорится, ползете за чужим мясом – отдадите свои шкуры человеческим самкам на шапки.

Пока Сергей Петрович занимался извозом, Андрей Викторович, взяв в подручные Роланда и его супружницу Патрицию, решил побродить по окрестностям и присмотреться к повадкам других животных. В первую очередь его интересовали пасущийся поблизости табунок диких полярных лошадей, очень похожих на якутскую породу. Конечно, до арабских и английских скакунов будущего этим крепким лохматым коротконогим лошадам было далеко, но и племени Огня лошади нудны были не для скачек. К тому моменту, когда УАЗ выйдет из строя по причине полного износа (что случится нескоро, но все же случится), в племени Огня уже должен быть табун лошадей, пригодных и под седло, и для повозок, и для того, чтобы

тянуть плуг. Впрочем, с последним прекрасно справятся холощенные бычки бизонов, сиречь волю.

Пока что все конское поголовье состояло из одной кобылы лесной породы и одного жеребчика, и теперь конское поголовье требовалось срочно расширить. И хоть Сергей Петрович и не собирался сегодня охотиться, он и его спутники все равно взяли с собой не только «Сайгу» и арбалеты, что необходимо для безопасности, но и веревочный аркан – просто так, попутно потренироваться в бросках. И надо же было случиться, что, отойдя совсем недалеко от стоянки, в небольшой укрытой от ветра ложине Андрей Викторович и молодые люди обнаружили пасущийся табун лошадей – небольшой, голов на двадцать. И те, что самое интересное, не видя в руках людей опасных копий, подпустили их если не на расстояние вытянутой руки, но значительно ближе, чем это было необходимо для безопасности. Впрочем, Андрей Викторович, Роланд и Патриция не собирались никого убивать, поэтому «Сайга» и два арбалета продолжали спокойно висеть у них на плечах.

– Месье Андрэ, – полушепотом обратился Роланд к главному охотнику, – я учиться бросать аркан вон тот пегий¹² кобыла.

Андрей Викторович в ответ только кивнул. Если Роланд бросит и промахнется, то ничего страшного ни ему, ни кобыле не будет. Лошади просто убегут и все, это ведь не бизоны, чтобы в ответ на нападение переходить в ответную атаку.

Роланд метнул аркан – и, что самое интересное, попал. Скользящая петля упала на шею и плечи лошади, и, когда та дернулась, почуввав чужое и неприятное прикосновение, затянулась на ее горле смертельной удавкой. Однако и Роланд, мертвой хваткой вцепившийся в аркан, едва не был сбит с ног рывком кобылы.

– Моя поймать этот кобыла, – в восторге крикнул он, – месье Андре, шер ами, пожалуйста помогать!

Но и без этой запоздавшей просьбы и Андрей Викторович, и Патриция мертвой хваткой вцепились в аркан, сдерживая рывки ополоумевшей от ужаса кобылы. Остальные лошади, напуганные происходящим, всем своим дружным табуном снялись с места и умчались прочь. Вместе с ними побежала было и рыже-золотистая кобылка, но, отбежав метров на сто, она остановилась и оглянулась на то, как ее мать бьется, хрипя и теряя последние силы, схваченная за горло тугой петлей аркана. Так она стояла и смотрела, как главный охотник племени Огня валит ее мать на бок, потом бросает Роланду кусок веревки, после чего тот спутывает лошади передние ноги. Теперь стоять и идти шагом она сможет, а вот бежать, или нестись галопом – уже нет. В самую последнюю очередь из еще одного куска веревки Андрей Викторович сплетает эрзац-недоузлок и надевает его на голову хрипящей лошади, затягивая узлы. Все, теперь можно распустить удавку и позволить почти задушенной лошади отдышаться и подняться на ноги.

Едва дрожащей кобыле удастся встать, как к ней подходит Патриция и начинает гладить ее по морде, говорить на ухо ласковые слова, одним словом, сюсюкать о своем, о женском. Лошадь сперва испугано фыркает и пытается вырваться, косит на Патрицию своим большим глазом и делает такой вид, что ей противны все эти нежности и что она выше этого, и вообще...

Но ласковое слово приятно не только кошкам; в результате лошадь, которую Патриция уговаривает быть хорошей девочкой, покоряется и, склонив голову, почти добровольно следует за своими покорителями, Патриции остается лишь чуть тянуть за недоузлок – и лошадь послушно переставляет ноги. Остановившаяся чуть поодаль, рыже-золотистая кобылка некоторое время смотрит, как ее мать уводят прочь, потом срывается с места и со всех ног бежит ее догонять. Несмотря на то, что ее маленькое сердце разрывается от страха, любовь к матери сильнее охватывающего ее ужаса. Впрочем, это уже совсем другая история.

¹² Пегий – значит пятнистый.

* * *

**25 января 2-го года Миссии. Четверг. Полдень. Дом на Холме
Марина Жебровская**

Проклятье! Наверное, я теперь останусь инвалидом, хотя эта сука русская докторша говорит, что все прекрасно зажило. Да как же зажило, когда мне больно рукой шевелить! Словно в лопатке нож застрял. По ночам иной раз как начнет тянуть болью – только и лежишь, кулак закусив, чтобы никто не слышал моих стонов и не догадался, как мне паршиво. Да паршиво-то мне не только из-за боли. Я теперь – на самом дне социума, как любила выражаться наша учительница по истории. Я – изгой, паршивая овца, отброс и вообще никто. Я как-то раз слышала, как главный русский вождь (Петрович который, чтоб он сдох) спрашивал обо мне у врачей: «Как эта?» Вот так – даже имени у меня теперь нет. Просто «эта», и в этом слове все презрение ко мне...

Эти две курицы – русская и Люси наша чокнутая – приходят, смотрят с омерзением; еду, питье приносят, и ни слова, ни полслова. Вообще-то вру. Люси, пока не ушла с мужиками на эту гребанную охоту, смотрела с сочувствием. Но так, будто перед ней грязная, вонючая уличная собачонка в репьях, которую вроде и жалко, и в то же время противно смотреть. Гадина ты, Люси. Не нужна мне твоя жалость, чтоб ты провалилась вместе с ней! Ишь ты, женишка себе завела... Малолетки, стало быть, нравятся? Ха-ха, да ты у нас извращенка... Собственно, все они тут долбаные извращенцы. Возятся с этими дикарями, цивилизуют их... Да бесполезно все это! У дикарей мозги по-другому устроены, и никогда не станут они такими, как мы.

Проклятые русские! Жестокие, тупые варвары! Никогда не понять мне их побуждения. Неужели они настолько убогие, что действительно хотят построить тут свой хренов социализм? Равенство, справедливость... Да нет никакого равенства, и быть не может! Где равенство – там бардак. Нельзя ставить дикарей на одну ступень с собой. До хорошего это не доведет...

Но как упоительно было ощущать власть! Когда я вспоминаю о том, как наказывала этих туземных тупиц, даже возбуждаюсь. Видеть их страх, раболепие, покорность... Ощущать себя божеством, вершащим судьбы...

Да, на самом деле я ничьи судьбы не вершила – это была просто игра. Я воображала себя властительницей – и это доставляло мне ни с чем не сравнимое удовольствие. И вот все так внезапно закончилось... И так печально... Я ненавижу боль! Боль делает меня слабой и зависимой. Зато когда я причиняю страдания кому-либо – это возносит меня на вершины блаженства, и в ушах моих звучит прекраснейшая музыка, и тело обретает легкость. Там, в нашем мире, я пару раз посетила некую закрытую вечеринку для любителей БДСМ – и втянулась... Там я и приобрела эту славную плеть. Только осознание того, что она лежит у меня в сумочке, здорово меня возбуждало, вызывая яркие фантазии. Но фантазии эти не всегда были связаны с сексом – точнее, почти никогда. Даже не знаю почему. Я вообще не люблю секс... Я прекрасно могла обходиться и без него, но в нашем мире, увы, воплотить свои необычные фантазии можно было только с согласия партнера...

Здесь же мои долго сдерживаемые желания нашли возможность воплотиться. Конечно, я до последнего старалась контролировать себя, но однажды все же дала себе волю. И поехало... Наверное, я все же несколько увлеклась и утратила осторожность. В этом я, да, виновата. Будь я поосмотрительней – ничего бы не случилось. Да еще моя несдержанность подвела... Кто меня дернул за язык нахамить русскому вождю? А потом я ведь еще его и прибить пыталась... Жалко, что не прибила. Тогда бы хоть обидно не было. Ну, лишили бы меня жизни в отместку, ну да ничего не поделаешь. Все равно жить вот так – все равно что не жить. А теперь эти русские еще и в выигрыше, я перед этими тупыми дикарями оказалась плохой, а они хорошими,

добрыми и справедливыми. Теперь все они найдут себе еще по паре-тройке послушных жен, которые с радостью выполнят любые их пожелания.

Проклятье, как же болит! Почти два месяца прошло – а полегчало ненамного. Мерзкий русский щенок – лучше бы он мне сразу в лоб выстрелил... А уж сколько крови мне потерять пришлось из-за этого ублюдка! Теперь у меня часто голова кружится и ноги подгибаются.

Ну что ж, если удастся выкрутиться из этого положения, я уже буду умнее. А теперь мне надо делать вид, что я раскаиваюсь. Я, конечно, плохая актриса... Но и русские не бог весть какие психологи.

Никогда я не смогу понять их «гуманизм». Зачем-то они притащили в племя каких-то обезьян, и называют их людьми. Ну понятно, что это неандертальцы – так они ведь никак не могут быть равными нам! Они уродливые, с низкими лбами, выдающейся головой, приземистые и косолапые. Я на них без отвращения смотреть не могу. Зато наша Люси носилась с ними как клуша с цыплятами. Детенышей их на руки брала, сюсюкала – ха-ха, и это наша мадмуазель, воинствующая феминистка! И куда весь ее феминизм подевался? Прямо мать Тереза, а не известная стервочка Люси д'Аркур...

Итак, вернемся к размышлениям о моем будущем. Свои перспективы я могу оценить как средне-паршивые. Зима скоро закончится, и с наступлением тепла меня должны будут изгнать, но наверняка весной будет много работы и поэтому вожди не захотят терять такой ценный кадр как я. Три раза: «Ха!» Естественно, меня поставят на самые грязные работы – трудотерапия ведь, как же, для психически неуравновешенных особ... Так что – здравствуйте, сортиры или что-то подобное. Ладно – мне придется выполнять все, что от меня требуется, причем безропотно. Что же дальше? Дальше мне придется притвориться хорошей девочкой и совершить какой-нибудь подвиг (Люси как раз возвысилась при подобном раскладе, последую ее примеру). Какой подвиг – пока не знаю, но надеюсь, что подвернется что-нибудь... Ну, или сама подстрою какой-нибудь несчастный случай, а потом кого-нибудь спасу... Да, именно так, почему бы и нет? Они увидят, что я «исправилась» и снова доверят мне что-то ответственное и не слишком грязное... Так, а что потом? Ведь за мной будет особый надзор в любом случае... Так что я буду очень, очень осторожна... Я не буду действовать столь открыто и найду, чем запугать этих дикарей. О да, теперь уж я не попадусь так глупо. Знаю – второго шанса мне никто не даст. А жить-то хочется; и не просто жить, а жить хорошо, то есть среди власть имущих, а не среди рабочего быдла...

В данный момент половина племени ушла на Большую Охоту. Люси они взяли с собой (чтоб она сгнула), и мне теперь приходится иметь дело с противной русской докторшей. Она обращается со мной холодно и грубо, показывая каждым жестом и словом, насколько сильно меня презирает.

– Как твоя рука? – спросила она меня однажды, неприветливо глядя из-под сведенных бровей. – Не болит?

– Болит, – честно ответила я.

Она внимательно посмотрела в мои глаза, усмехнулась и сказала:

– Ну, раз болит, значит, ты живая. Только у мертвых ничего не болит...

Я вздрогнула от этих ее зловещих слов. Конечно же, она давала мне явный намек, что все могло кончиться гораздо хуже... А она некоторое время скользила по мне своим пронизательным взглядом – так, что по мне неприятные мурашки забегали – и затем снова усмехнулась и задумчиво произнесла:

– А не выдать ли тебя замуж, девушка-красавица?

Вот уж точно не нашлось бы других слов, способных поразить меня настолько сильно. Замуж?! Меня?! Это за какие такие заслуги мне будут давать столь щедрые авансы? Поскольку мужчин в племени мало, а половозрелых особ женского пола много, выйти замуж, пусть даже пятой или шестой женой, считается большой удачей и социальным успехом. Но почему русской

врачихе пришла такая мысль именно в отношении меня и кого она видит в качестве моего будущего мужа?

Я надолго задумалась, пытаюсь разгадать эту загадку, но ответа так и не нашла, или же просто побоялась найти.

* * *

23 февраля 2-го года Миссии. Пятница. Полдень. Дом на Холме

Ольга Слепцова

Как приятно возвращаться к цивилизации после двух месяцев походной жизни, наполненной холодом и неудобствами. Как хорошо с дорожки пойти с подругами в жарко натопленную баню и с помощью лыкового мочала, жидкого мыла и горячей воды смыть с себя накопившуюся двухмесячную грязь и въевшуюся в кожу лица копоть очагов...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.